

NOVEMBER, 2020 | ISSUE #11

INTERNATIONAL JOURNAL OF PROFESSIONAL SCIENCE

.....

INTERNATIONAL SCIENTIFIC JOURNAL

SCIPRO.RU
ISSN 2542-1085

MOLECULAR & CELL BIOLOGY
APPLIED FINANCIAL MATHEMATICS
· HUMAN-COMPUTER INTERACTION 5

UDC 001
LBC 72

International Journal Of Professional Science: international scientific journal, Nizhny Novgorod, Russia: Scientific public organization “Professional science”, №11-2020. 73 p.

ISSN 2542-1085

International journal of Professional Science is the research and practice edition which includes the scientific articles of students, graduate students, postdoctoral students, doctoral candidates, research scientists of Russia, the countries of FSU, Europe and beyond, reflecting the processes and the changes occurring in the structure of present knowledge.

It is destined for teachers, graduate students, students and people who are interested in contemporary science.

All articles included in the collection have been peer-reviewed and published in the form in which they were presented by the authors. The authors are responsible for the content of their articles.

The information about the published articles is provided into the system of the Russian science citation index – RSCI under contract № 2819-10/2015K from 14.10.2015

The electronic version is freely available on the website <http://scipro.ru/ijps.html>

UDC 001

LBC 72

Editorial team

Chief Editor – Krasnova Natalya, PhD, assistant professor of accounting and auditing the Nizhny Novgorod State University of Architecture and Construction. (mail@nkrasnova.ru)

Zhanar Zhanpeisova — Kazakhstan, PhD

Khalmatova Barno Turdyhodzhaeva — Uzbekistan, MD, Professor, Head of the Tashkent Medical Academy

Tursunov Dilmurat Abdullazhanovich — Kyrgyzstan, PhD, Osh State University

Ekaterina Petkova, Ph.D Medical University — Plovdiv

Stoyan Papanov PhD, Department of Pharmacognosy and pharmaceutical chemistry, Faculty of Pharmacy, Medical University — Plovdiv

Materials printed from the originals filed with the organizing committee responsible for the accuracy of the information are the authors of articles

Editors N.A. Krasnova, 2020

Article writers, 2020

Scientific public organization
“Professional science”, 2020

Table of contents

APPLIED JURISPRUDENCE	5
Lavitskaya M.I. Domestic experience of criminal law regulation of responsibility for abuse of official powers and their excess in historical retrospect.....	5
APPLIED LINGUISTICS	16
Abacharaeva D. A. Shahemirova S. V. A problem of literary translation of E. Bronte's novel "Wulthering Heights" into Russian	16
CULTURAL HYBRIDIZATION	24
Mishina T.V., Samsonenko T.A., Ron I.N. Features of the mass holiday organization.....	24
ECONOMY, ORGANIZATION AND MANAGEMENT OF ENTERPRISES, INDUSTRIES, COMPLEXES	29
Smetanina T.V. The influence of basic economic concepts on the assessment of the conformity of the price and quality of products and services in the context of digitalization of technological processes	29
Smetanina T.V. The labor process and the process of increasing value in the context of the economic crisis provoked by the pandemic	36
FORENSIC SCIENCE	40
Sokolova D., Brager D. Features of the forensic characterization of crimes related to embezzlement in the construction of buildings and structures	40
GENDER STUDIES	44
Nochvina B.A., Siluyanov E.A. The paradox of female identity in the Heian period	44
SURVEYING AND LAND ECONOMY	51
Korotko E., Abramova A.A., Ivanitsky D.K., Zakharyan A.V. Natural resources..	51
TECHNOLOGY, ENGINEERING	56
Nikin V.V., Garina S.V. Overview of methods and tools for evaluating the quality of frames in video file	56
Snitsar L.R., Snitsar D.V. Structure of the enterprise's information technology support. The concept of information technology	64
Zaripova I.Sh. Modern trends in the design and construction of sports facilities	68

APPLIED JURISPRUDENCE

UDC 34

Lavitskaya M.I. Domestic experience of criminal law regulation of responsibility for abuse of official powers and their excess in historical retrospect

Отечественный опыт уголовно-правовой регламентации ответственности за злоупотребление должностными полномочиями и их превышение в исторической ретроспективе

Lavitskaya Marina Ivanovna

Doctor of Historical Sciences, Professor of Department of the Theory of Law and Comparative Law. Russian State University for the Humanities (Moscow)

Лавицкая Марина Ивановна

доктор исторических наук, профессор кафедры теории права и сравнительного правоведения Российского государственного гуманитарного университета (г. Москва)

Abstract. *The author, emphasizing the importance of studying legal phenomena in historical perspective, and believing that their studying has to happen from the moment they were born, considering the domestic experience of criminal legal regulation of responsibility for abuse of power and exceeding in historical-legal perspective and concludes that the criminal-legal regulation of responsibility for the abuse of office and their excess has come a long way of evolutionary development, however, retained at the present time based on the model of these criminal acts laid down in the Soviet codified criminal acts defined editorial correction, caused difficulties in the application of laws practice at the initial stage of enforcement of the Russian criminal law.*

Keywords: *abuse of office, official crime, service crime, officer.*

Аннотация. Автор, подчеркивая важность изучения правовых явлений в исторической ретроспективе, и полагая, что их изучение должно происходить с того момента, как они зародились, рассматривает отечественный опыт уголовно-правовой регламентации ответственности за злоупотребление должностными полномочиями и их превышение в историко-правовом аспекте и приходит к выводу, что уголовно-правовая регламентация ответственности за злоупотребление должностными полномочиями и их превышение прошла долгий путь эволюционного развития, однако сохранила в настоящее время в своей основе модель этих преступных деяний, заложенных в советских кодифицированных уголовных актах, с определенной редакционной коррекцией, вызвавшей сложности в правореализационной практике на первоначальном этапе правоприменения российского уголовного закона.

Ключевые слова: *злоупотребление должностными полномочиями, превышение должностных полномочий, должностная преступность, служебная преступность, должностное лицо.*

Рецензент: Грузинская Екатерина Игоревна - кандидат юридических наук, доцент, заведующая кафедрой государственных и гражданско-правовых дисциплин Новороссийского института (филиала) АНО ВО «Московский гуманитарно-экономический университет»

Практически все криминологи солидарны во мнении о необходимости изучения уголовно-правовой регламентации ответственности за те или иные преступления в исторической ретроспективе. Такое понимание существовало еще в дореволюционной уголовно-правовой доктрине. Н.С. Таганцев по этому поводу как об очевидном писал о важности значения исторического толкования применительно к действующему законодательству, и о том, что для изучения определенного юридического института просто необходимо исследовать его судьбу, «т.е. те поводы, в силу которых появилось данное учреждение, и те видоизменения, которым подверглось оно в своем историческом развитии» [1; с. 21].

Однако по вопросу, с какого именно периода следует начинать изучение, единого мнения не существует. Так, ряд исследователей полагают, что изучение должно быть начато с того исторического периода, когда уголовно-правовые нормы приобрели вид, наиболее напоминающий современные нормы, т.е., думается, именно тогда, когда уровень законодательной техники становится уже достаточно высоким, тогда как другие исследователи, напротив, считают, что изучение правовых явлений и их правовой регламентации (включая её уголовно-правовую составляющую) должно происходить со времен образования государственности и фиксации письменных норм в источниках права.

Ярким выразителем второй позиции является, например, Е.В. Тарасова полагающая, что необходимо рассматривать развитие норм с начала их зарождения, когда они были еще не уголовными в собственном смысле [2; с. 66]. Мы разделяем позицию этих исследователей и полагаем, что изучение должностных преступлений также должно происходить с момента первой письменной фиксации ответственности за их совершение. Наш анализ показал, что ни в одной из редакций «Русской правды» такая ответственность не была предусмотрена, хотя должностные преступления, проистекающие из особенностей человеческой природы, безусловно, были уже тогда. Однако ряд исследователей полагают, что такой раннефеодальный документ, фиксировавший нормы обычного права, как «Русская правда», предусматривал ответственность за преступления прежде всего для простолюдинов, а лица, наделенные со стороны князя властью и осуществлявшие в качестве таковых должностные полномочия, в любом случае к ним не относились, и, совершая должностные проступки и/или преступления, несли ответственность не на основании норм обычного права, письменную фиксацию которых мы имеем в «Русской правде», а согласно княжеской

воле, определявшей наказание для каждого из них казуально, т.е. индивидуально в каждом конкретном случае.

В известных нам источниках первые попытки установить уголовную ответственность за превышение и злоупотребление должностными полномочиями были осуществлены только в XVI веке в Судебнике 1550г [3; с. 82-83]. Несмотря на то, что круг этих субъектов на протяжении столетия несколько раз расширялся, однако разграничение должностных лиц в зависимости от исполняемых ими должностных функций было осуществлено только в Соборном Уложении 1649 года. В этом нормативно-правовом акте был не только расширен круг субъектов, относящихся к лицам, выполняющим должностные функции (они также были дифференцированы на вельмож и лиц, отправляющих правосудие), но и расширен перечень составов преступлений за совершенные ими преступные деяния. К примеру, судьи могли нести ответственность за вынесение ими неправосудных приговоров, если они были ими вынесены под воздействием лихоимства. С ним, как с разновидностью коррупционной преступности, старались бороться, тогда как мздоимство даже не было криминализировано.

Прорыв в уголовно-правовой регламентации ответственности за должностные преступления был совершен первым русским императором-реформатором. Именно в эпоху Петра I в 1724 году был принят «Генеральный регламент коллегий», в котором была установлена ответственность за должностные преступления вне зависимости от того, были ли они совершены умышленно или по неосторожности («с умыслом» или «оплошкою»), Спустя месяц в феврале этого же 1724 года император ужесточил ответственность за совершение этих преступлений, хотя ранее предполагалась ссылка на галеры и штраф с отрешением от должности, однако, сравнив совершивших эти преступления с изменниками во время битвы, Пётр I повелел и поступать с ними соответственно: помимо полной конфискации, к ним применялась натуральная или политическая смерть.

В петровском законодательстве не употреблялось понятие превышения полномочий. Оно впервые появилось только в 1811 году в п. 1 главы 279 «Общего учреждения министров» и первоначально относилось только к министрам, а не ко всем должностным лицам. Считалось, что министр превысил свои полномочия, если он действовал в обход законов, уставов или учреждений, был и второй случай превышения полномочий: если он, минуя общепринятый порядок, подпишет распоряжение, которое

потребуется принятия нового закона или постановления. Однако в этом НПА содержались и исключения из общего правила, когда министр не считался превысившим свои полномочия:

1) министр особенно на какой-либо случай был верховной властью уполномочен (т.е. императором);

2) в чрезвычайных каких-либо случаях примет решительную меру и по принятии ее окажется:

- что она в видах общей безопасности была необходима;

- что по настоятельности случая не мог он, не попустив видимой опасности, отлагать сию меру до высшего разрешения [4; с. 122].

Министр нес личную ответственность перед императором, поэтому появление таких исключений из общего правила было вполне объяснимо как в первом случае, так и во втором, когда он вынужден был действовать в условиях чрезвычайной ситуации. Было и третье исключение из общего правила, когда, несмотря на предпринятые министром действия, они не потребовали принятия нового закона. На наш взгляд, исходя из этого положения, в чистом виде исключением это положение назвать нельзя, поскольку оно не выходит за рамки общего правила превышения министерских полномочий. Надо отметить, что эти исключения сохранились и в последующих нормативно-правовых актах, но стали распространяться не только на министров, но и на других государственных сановников, действовавших по поручению императора.

Ответственность для всех должностных лиц, а не только министров, наступила только с принятием в 1832 году «Свода законов», в котором появилась формулировка, что именно следует считать превышением полномочий. С незначительными дополнениями оно практически полностью было воспроизведено в принятом в 1845 году «Уложении о наказаниях уголовных и исправительных» [5].

Принятие этого акта вызвало большое количество доктринальных дискуссий, связанных с анализом преступлений, помещенных в главу 2 «О превышении власти и противозаконном оной бездействии» пятого раздела этого НПА. Основные дискуссии развивались по следующим направлениям: возникли научные споры, что именно следует считать объектом данных преступлений и проступков, является ли объект единым для всех должностных преступлений, или их стоит разграничивать именно по способу совершения преступных деяний, а не по объекту, будут ли эти преступления только умышленными, или они могут совершаться и по неосторожности, каков мотив

этих преступлений, и можно ли относить к ним преступные деяния, совершаемые с корыстным мотивом, а не только совершенные, исходя из ложно понятых интересов службы. Довольно долго продолжались дискуссии на тему, как разграничить служебные преступления, от «общих» преступлений, совершаемых служащими. В итоге по этому вопросу был достигнут консенсус: при квалификации служебных преступлений следовало обращать внимание на то, использовались ли при совершении преступных деяний служебное положение и служебные полномочия субъекта, совершившего преступное деяние.

Судебная практика (разъяснения Сената, имевшие значение прецедентов толкования) не всегда могла однозначно разрешить имеющиеся споры, поскольку в некоторых случаях по разным делам давала прямо противоположные разъяснения, как например, можно ли считать такие преступления только умышленными. Хотя по некоторым делам именно разъяснения Сената поставили окончательную точку в дискуссиях. Так, например, в 1873 году было принято решение, что служебные преступления могут совершаться только лицами, облаченными служебной властью, даже если в их деяниях принимали участие частные лица. Важным представляется и разъяснение данное Сенатом по поводу того, что именно следует считать важным, особо важным и не важным превышением полномочий, хотя ранее это определялось судебским усмотрением, однако в разъяснении Сената, такое правомочие хотя и было оставлено за судьями, но было указано, что следует обращать внимание на последствия превышения полномочий и обстоятельства конкретного дела.

Хотя понимание того, что такие преступления могут совершаться только специальными субъектами, находящимися на государственной или общественной службе (предполагавшей занятие выборной должности), уже было, однако ни в доктрине, ни в тексте НПА не было формулировки понятия должностного лица (хотя попытки сформулировать понятие «служащего» предприняты были), как и разграничения между составами преступлений «Злоупотребление должностными полномочиями» и «Превышение должностных полномочий».

По-видимому, общество относилось к таким преступлениям довольно терпимо, считая их свойственными человеческой природе. Статистические исследования Н.В. Муравьева, проведенные им за период с 1872-1874 года, показали большое число оправдательных приговоров по этим составам преступлений (до 60%), в том числе, и при рассмотрении этих дел судом присяжных, где процент оправдательных приговоров был

чуть меньше -57 % [6; с. 821], однако такие оправдательные проценты (в два раза большие, чем по общеуголовным преступлениям) свидетельствует именно об этом.

Подготовленный проект нового Уложения 1903 года [7], так и не вступивший в законную силу полностью (кроме раздела, регулирующего уголовную ответственность за совершение государственных преступлений, всё же введенного в действие, в остальных случаях, действовало Уложение о наказаниях уголовных и исправительных в редакции 1885 года [8]), во-первых, значительно расширил общее число составов преступлений, устанавливающий ответственность за совершение должностных преступлений (их стало 52), причем признавалось, что они могут совершаться как умышленно, так и по неосторожности, ответственность отягчалась, если происходило их совершение с корыстным мотивом, а сами преступления имели тяжкие последствия (из чего можно сделать вывод, что они были преступными деяниями с материальным составом), во-вторых, в связи с улучшением уровня юридической техники, в этом акте стал активно использоваться такой её приём как дефинирование, поэтому появилось определение кто такой «служащий». Из определения, данного в этом НПА, было ясно, что это «всякое лицо, несущие обязанности или исполняющее временное поручение по службе государственной или общественной, в качестве должностного лица, или полицейского или мещанского управления» [9; с. 68]. В-третьих, впервые в этом акте появилось понятие «злоупотребление служебными полномочиями», однако не в качестве самостоятельного служебного преступления, а как упоминание в Общей части Уложения, которое усиливало наказание за составы служебных преступлений, предусмотренных в части Особенной.

Интересно, что в этом акте сохранилось понятие «административной гарантии», которая впервые была закреплена в 1832 году в «Своде законов», сохраняясь на протяжении всего XIX столетия в ст.ст. 1080, 1088 Судебных уставов 1864 года. Её сущность заключалась в том, что на уголовное преследование лиц, занимающих служебную должность (а в императорской России разграничивали служебную и служительскую должность, к числу занимавших последнюю, например, относились сторожа, которые также считались субъектами служебных преступлений), необходимо было получать согласие непосредственного начальства этих людей, которое само решало, что делать с таким виновным субъектом: следует ли доводить дело до суда, либо необходимо прекратить уголовное дело. Как представляется, в данном случае это плохо способствовало реализации принципов законности, неотвратимости наказания и

личной ответственности за содеянное.

Первоначальный отказ от правовой традиции Российской империи сменился осознанием того, что без прежних наработок правовых школ вряд ли удастся создать законодательство новой страны Советов. Однако нам представляется, что заявления некоторых советских исследователей о создании к 1921 году стройной системы должностных преступлений и их уголовно-правового регулирования является ошибочным и некорректным [10; с. 58]. Хотя уже в первые годы заговорили о возможных злоупотреблениях лиц, облаченных доверием новой революционной власти [11], и некоторые акты, пусть и некодифицированного характера [12, 13, 14] были посвящены борьбе с такими злоупотреблениями, дискредитирующими установившуюся советскую власть, однако не устоялся даже понятийный аппарат, поскольку сначала (1918г) в актах молодой советской республики фигурировали «чиновники», параллельно этому термину употреблялось понятие «должностные лица» без легальной формулировки дефиниции [15, 16, 17], а также «лица, состоявшие на государственной и общественной службе», а с 1921 года и «лица, состоявшие на государственной общественной и союзной службе» (в актах, посвященных борьбе со взяточничеством).

В первом кодифицированном уголовном законе 1922 года [18] в ст.ст. 105 и 106 наряду с другими четырнадцатью составами должностных преступлений в качестве отдельных составов было предусмотрено как превышение (ст.106), так и злоупотребление должностными полномочиями (ст.105). В статье 105 в примечании также давалось определение должностного лица, при этом, согласно воззрениям советских руководителей, должна была постепенно стираться грань между населением и должностными лицами, поэтому должностные лица понимались очень расширительно: какую бы пусть и незначительную должность не занимало такое лицо, оно все равно считалось выполняющим должностные функции, предоставленные ему государством.

В следующем кодифицированном НПА 1926 года [19], принятие которого было обусловлено созданием СССР и, в связи с этим, необходимостью модернизации и приведения в соответствие с союзными основами уголовного законодательства, разграничение злоупотребления должностными полномочиями и властью, а также их превышение сохранилось, однако изменилась нумерация статей (соответственно, они стали статьями 109 и 110) и в их текст были внесены определенные редакционные правки. Статья 109 УК РСФСР 1926 года, сохранив примечание, дававшее легальное

определение понятию «должностное лицо», получила и второе примечание, в котором была предоставлена определенная «административная гарантия» работникам профсоюзов, и принадлежности которых к должностным лицам происходили доктринальные споры: «Должностные лица профессиональных союзов за совершенные ими служебные преступления, если они привлечены к ответственности по постановлениям профессиональных союзов, отвечают как за преступления должностные». Обратим внимание на то, что если предыдущий УК РСФСР 1922 года говорил о возможности совершения таких преступлений только когда и если лицо было облачено должностными полномочиями, то в новом кодексе ещё добавилось понятие злоупотребление властью или её превышение, что на практике означало возможность совершения преступлений не только в связи с исполняемыми служебными обязанностями, но и путем тех возможностей, которые возникли у должностного лица в связи с занимаемым положением (связи, должностной авторитет и иные способы влиять на ситуацию, возникшие вследствие должностного положения).

Доктринальные дискуссии том, можно ли считать представителей негосударственных организаций, в том числе акционерных обществ, профсоюзных работников, колхозников и т.п., должностными лицами, в которых принимали участие виднее советские ученые того времени, прекратились со сворачиванием НЭПа. Однако в момент их проведения судебная практика в Постановлении Пленума Верховного суда РСФСР от 7 февраля 1927 г. настаивала на максимально широкой трактовке понятия «должностное лицо» и, в том числе, на приравнивании лиц, действующих по договору поручения и иным подобным сделкам при этом как должностное лицо на основании выданных им мандатов могут быть приравнены по ответственности к таковой применяемой к должностным лицам. В 1936 году Верховный суд разрешил применять по принципу аналогии составы должностных преступлений к заключенным, если они выполняли по поручению администрации лагеря административно-хозяйственные и должностные функции.

В обоих первых советских уголовных кодексах должностные преступления в виде злоупотребления должностными полномочиями и властью, или их превышения могли были быть совершены не только умышленно, но и по неосторожности (в форме небрежности). К неосторожным преступлениям причислялись и действия должностных лиц, совершенные в интересах службы, пусть и неправильно понятых, и также в пользу третьих лиц, тогда как должностные преступления, совершенные с корыстным мотивом,

считались только умышленными. В некоторых случаях лица, признанные виновными в совершении преступления, предусмотренного ст. 110, могли быть приговорены к высшей мере социальной ответственности, если при квалификации их деяний было усмотрено наличие «особо отягчающих обстоятельств». Данный квалифицирующий признак законодательно не раскрывался, оставаясь на усмотрение суда, но в научной литературе того времени к таким обстоятельствам обычно относили два: преступления, совершенные работниками центрального хозяйственного аппарата, и преступления, совершенные при заключении торговых сделок с иностранными государствами [20; с. 37].

УК РСФСР 1960 года [21], в целом сохранив модель разграничения злоупотребления должностными полномочиями и властью, или их превышением, заложенную в УК РСФСР 1926 года, несколько видоизменил легальное понятие должностного лица, отразив в нем произошедшие в жизни страны перемены, связанные с полным огосударствлением экономики (сохранилось упоминание только о государственной и общественной службе). Данные нормы (ст.ст. 170 и 171 УК РСФСР 1960г) оставались в неизменности на протяжении 36 лет, и их корректировка была связана с проведением горбачевский реформ в период перестройки, когда появились разные формы собственности. Тогда стали задумываться над необходимым разграничением служебных преступлений и собственно должностных, которые соотносятся между собой как целое и часть. Было очевидно, что преступления, совершенные работниками негосударственных предприятий в связи с выполнением ими управленческих и административно-хозяйственных функций, имеют меньшую степень общественной опасности, чем должностные преступления, совершенные служащими государственной власти и местного самоуправления, подрывающие авторитет публичной власти.

Однако окончательное законодательное решение этого вопроса последовало только в УК РФ 1996 года, построенному по объектному принципу, в связи с чем в новом кодифицированном уголовном законе эти составы преступлений помещены в разные разделы, а именно: в раздел «Преступления против экономики» и в раздел «Преступления против государственной власти». Но и новый кодекс сохранил разделение составов преступлений: как злоупотребление должностными полномочиями, так и их превышение. Вместе с тем, модель нового кодекса, скорее, напоминает положения УК РСФСР 1922 года, поскольку из диспозиции обоих составов

оказалось устранены понятия злоупотребления должностным положением и его превышение, что на первых порах вызывало большие сложности у правоприменителей, привыкших работать по старой советской модели.

Итак, исследование показало, что уголовно-правовая регламентация ответственности за злоупотребление должностными полномочиями и их превышение прошла долгий путь эволюционного развития. Та модель этих преступлений, которая сложилась в ст.ст. 285 и 286 УК РФ, берет свое начало в УК РСФСР 1922 года, когда эти составы преступлений впервые были выделены в качестве самостоятельных. Модель уголовных кодексов РСФСР 1926 и 1960 гг., в которой были криминализированы не только злоупотребление должностными полномочиями и их превышение, но и злоупотребление властью/должностным положением и их превышение, объединенные в двух составах, справедливо подвергалась критике криминологов, обоснованно полагавших, что нельзя, исходя из правил законодательной техники, в рамках одной статьи объединять два разные состава преступления.

References

1. Таганцев Н.С. Курс уголовного права. – СПб., 1874. Вып. 1. – 482 с.
2. Тарасова Е.В. Квалификация преступлений, совершаемых должностными лицами путем использования своего служебного положения: дисс. ... канд-та юрид. наук: 12.00.08. – СПб., 1999. – 237 с.
3. Сквозников А.Н. Ответственность за преступления против правосудия и интересов государственной службы по Судебникам 1497 и 1550 гг. // Вестник Самарской гуманитарной академии. Серия «Право». – 2012. – № 1 (11). – С. 79-84.
4. Общее учреждение министров // Российское законодательство X-XX вв.: В 9-ти томах / под ред. О.И. Чистякова. Т. 6. – М., 1994. – 432 с.
5. Уложение о наказаниях уголовных и исправительных 1845 года / Сайт музея истории российских реформ имени П.А. Столыпина [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://музейреформ.рф/node/13654> (дата доступа: 15.09.2020)
6. Муравьев Н.В. Об уголовном преследовании должностных лиц за преступления по службе // Юридический вестник. 1879. Кн. 2. – С. 795-821.
7. Уголовное Уложение 22 марта 1903 года. С мотивами, изложенными из объяснительной записки редакционной комиссии, представленной Мин. Юстиции в Государственный Совет и журналов – особого совещания, особого присутствия департаментов и общего собрания Государственного Совета. Издание Н.С. Таганцева. – СПб., 1904. – 1124 с.

8. Свод законов Российской империи. В 15 т. – Т. 15: Уложение о Наказанияхъ Уголовныхъ и Исправительныхъ. – М., 1885. – 521 с.
9. Уголовное уложение. Проект редакционной комиссии. – СПб., 1895. – 177 с.
10. Герцензон А.А. Развитие социалистического уголовного законодательства до его кодификации // Проблема социалистического права. – СПб., 1938. – С. 58-64.
11. Инструкция НКЮ от 19.12.1917 г. «О революционном трибунале, его составе, делах, подлежащих его ведению, налагаемых им наказаний и о порядке введения его заседаний» // СУ РСФСР. – 1917. – № 12. (утратила силу)
12. Постановление Народного комиссариата юстиции от 21 февраля 1921 г. «Об усиленной ответственности должностных лиц за преступления, совершенные при продовольственной работе» / Сборник документов по истории уголовного законодательства СССР и РСФСР 1917-1952 гг. / под ред. И. Голякова. – М., 1953. (утратило силу)
13. Декрет СНК от 14.12.1921 г. «Об ответственности заведующих государственными кооперативами и частными предприятиями за уклонение от дачи в установленные сроки сведений, требуемых центральными и местными учреждениями» // СУ РСФСР. – 1922. – № 1. (утратил силу)
14. Декрет СНК от 02.01.1922 г. «Об ответственности должностных лиц за нарушение возложенных на них обязанностей по заготовке, хранению, доставке и использованию семенного материала» // СУ РСФСР. – 1922. – № 5. (утратил силу)
15. Постановление VI Всероссийского Чрезвычайного Съезда Советов от 08.11.1918 «О точном соблюдении законов» [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.lawmix.ru/sssr/18800> (дата доступа: 14.09.2020)
16. Декрет 3 марта 1919 г. «О мерах борьбы с дезертирством» [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.lawmix.ru/zakonodatelstvo/2577210> (дата доступа: 14.09.2020)
17. Декрет СНК от 3 декабря 1919 г. «Об устранении волокиты» // Сборник документов по истории уголовного законодательства СССР и РСФСР 1917-1952 гг. / под ред. И.Т. Гошекова. – М., 1953. (утратило силу)
18. Уголовный кодекс РСФСР 1922 г. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://constitutions.ru/?p=5341> (дата доступа: 14.09.2020) (утратил силу)
19. Уголовный кодекс РСФСР 1926 г. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://coollib.com/b/124310/read> (дата доступа: 11.10.2020) (утратил силу)
20. Трайнин А.Н. Уголовное право РСФСР. Часть особенная. – Л., 1925. – 256 с.
21. Уголовный кодекс РСФСР (утв. ВС РСФСР 27.10.1960) // Ведомости ВС РСФСР. – 1960. – № 40. (утратил силу)

APPLIED LINGUISTICS

UDC 8

Abacharaeva D. A. Shahemirova S. V. A problem of literary translation of E. Bronte's novel "Wuthering Heights" into Russian

Abacharaeva Diana Abdulkadirova,

master student of Dagestan State University.

Research supervisor: **Shakhemirova Svetlana Vagidovna,**
Associate Professor at the Department of English, Ph. D. in Philology.
Dagestan State University, Makhachkala

Abstract. *Landscape in literary works performs a great function, because it can carry not only a background but also create a certain atmosphere or reveal the character of the hero, it provides a certain image. This article deals with the issue of landscape imagery in works of art, where we are going to approach the results of a comparative historical analysis of two versions of the translation of the Emily Bronte's novel "Wuthering heights" one made by Volpin N. – 1956, another by Saptsina U. – 2009. As a result, we reveal the main difficulties the both translators had, and assess their ways to overcome these difficulties.*

Keywords: *landscape, romanticism, background knowledge, realities, imagery, target language.*

Рецензент: Литвинчук Ирина Николаевна - кандидат филологических наук, доцент («Психология, Педагогика»). КФУ им. В.И. Вернадского

Literary translation differs from all other types of translation in its capacity and complexity, since a literary work is not so much related to the transmission of information, but rather is addressed to the reader's feelings and sensations, and is intended to cause so-called entropy, catharsis. The more unlimited the information capacity of a literary work is, the more unlimited the author's ability to influence the reader. And the task of the translator is not to impoverish the informational content of a literary work in any way, but to preserve its pragmatic effect.

Literary translation, according to Komissarov V., is a translation of belles-lettres works, the purpose of which is to create a speech that can have an artistic and aesthetic impact on the reader [3, P.136].

It should be pointed out that a literary text differs from all other types of text in that it is the result of imaginative cognition of the world. Therefore, the concept of image is at the center of the study of literary works as a whole and each literary text separately.

Pustovoit P. writes: *“When a real artist depicts an image (in painting, sculpture, literature), he does not limit himself to recreating only the external appearance, but goes further: he is interested in the features and qualities typical of this image and manifested most vividly in a certain period of the world's existence. This is the creation of an image”* [4, P. 114].

Depending on the functional features, as well as the author's tasks and objectives, the landscape in the literary text can appear in various forms. The psychological power of landscape lies in the fact that images recreate feelings in the reader's mind, involving sensory-visual, auditory, tactile, thermal and other sensations extracted from experience and associated with mental experiences. Thanks to this, the reader's assessment of the work becomes vivid and accurate. Landscape refers to a clear period of the day, year, is determined by the appropriate weather, lighting, and other features that can cause emotionally colored associations. As an example, we may recall a rainy weather E. Hemingway's novels, or a snow in R. Frost's novels, a night in the works of D. Thomas, or a fire in the works of Sh. Bronte.

Each author and even entire literary genres have their own special sources, from which they draw with a special impulse material for the image of nature.

The novel *“Wuthering Heights”* by Emily Bronte is a very imaginative work, full of a huge variety of landscape sketches.

Even the title of the book has its own symbolism. The epithet *“Wuthering”* refers to those atmospheric phenomena, from the fury of which the house, standing on the hill, is not at all protected in bad weather. However, in the future we can understand that this title describes both the state of mind of the characters and the atmosphere of the entire novel.

Using the landscape, E. Bronte enhances the emotional tone, supports the overall emotional sound, and the main mood of the work. As the outstanding representative of romanticism, which is characterized by the subjectivity of the description of nature, E. Bronte highlights the inner energy of the characters, their temper, displays the dynamics of their mental states through the landscape.

Emily spent most of her life in the village of Haworth, West Yorkshire. The Moors surrounding E. Bronte's house, the gloomy buildings and the cemetery nearby had a great impact on her works. These gloomy places brought elements of mysticism and mystery to her work.

The action of the book “*Wuthering Heights*” takes place in the North of England. The nature here is extremely diverse: bare swamps, moors, high mountains.

You may think that the translators only need to keep the image that the author has already come up with, has already selected the language elements, has determined the composition of the text, and so on. However, this simplicity is only apparent.

“Wuthering Heights” was first translated into Russian in 1956 by Nadezhda Volpin. This classic version of the translation is the most well-known to date.

In 2009 Ulyana Sapsina launched a new translation of the novel – modern and no less popular.

In terms of text structure, both translations contain 34 chapters, which corresponds to the original. In terms of content, both translations convey the general idea of the work quite fully. Both translations retain all the story lines.

However, both translations differ from the original text. In the course of the analysis, we identified cases typical for both translations that showed a certain degree of deviation from the original. For example, at the very beginning of the novel, E. Bronte gives such a detailed description of Wuthering Heights: *“Pure, bracing ventilation they must have up there at all times, indeed: one may guess the power of the north wind blowing over the edge, by the excessive slant of a few stunted firs at the end of the house; and by a range of gaunt thorns all stretching their limbs one way, as if craving alms of the sun”* [5] – here we already have an idea that this place has no access to light, and is located somewhere between life and the world of the dead, since firs – evergreens, mean eternal life, while stunted thorns symbolize death.

Of course, the main idea of the fragment is conveyed by both Volpin N. and Sapsina U., but the translators are not limited to the semantics of the original text, they express their own aesthetic vision of the world. For example, Volpin N. when translating “Pure, bracing ventilation” uses modulation and gives the variant “*изрядно прохватывает ветром*” [1]. The verb “*прохватывает*” conveys very well the tactile sensations caused by the English noun “*ventilation*”. Sapsina U. gives a similar version – “*задувает*” [2] In both cases, we see deviations from the highest possible semantic accuracy in favor of literary translation.

Sometimes it is believed that the translator must give up his creative personality or not have it at all, completely “lose himself” in the original text. However, this may lead to the fact that the translation will only give the general outline of the work, but you will not be able to hear the chime of the wind, feel the fragrance of flowers, feel the touch of the sun’s rays, etc.

It is not uncommon to find translators taking liberties. For example, in the translation of Saptina U., you can often find omissions and complete transformations of sentences or even texts. For example, in this passage, she omits the phrase "*they must have*", while Volpin N. converts it into the appropriate, from the translation point of view, impersonal form "*должно быть*" [1]. Saptina U. also omits the circumstance of the place "*up there*", gives the translation "*здесь*" [2]. Despite the fact that the original specifically indicates the circumstance of time "*at all times*", Saptina U. gives the translation "*временами*" [2] – which generalizes the meaning.

The conflict of two creative personalities – the author and the translator – is either a collaboration or a conflict. It becomes a collaboration, if the translator not only delves deeply into the author's aesthetics, way of thinking and way of expressing, but also gets used to them, make them their own for a while. To do this, you need to read as many of the writer's works as possible, you need to know about the concepts that are important in his work, about the surrounding environment.

So Volpin N., as the very first translator of this book, tried to preserve the similarity with the original text as much as possible. For example, the word "*north*", meaning "*northern part or region*" in combination with the word "*wind*" – Volpin N. considered to translate as "*норд*" [1] – transcription. The word "*норд*" itself means "*north direction*", and only in the marine lexicon it can mean "*north wind*". For a wide range of readers, this word may not be clear and will require explanations. That is why translation should not be just "from language to language", but "from culture to culture". The translator must find not formal, but functional correspondences to the author's technique, so that the reader can see the image depicted by the author.

Another problem that every translator faces is geographical realities. Of course, the opportunity to convey designations of the things referred to in the original, and images associated with them, requires a certain knowledge of the reality, which is shown in the translated source (no matter whether such knowledge is acquired by direct acquaintance with it, or taken from literary or other sources).

In translation theory, such knowledge is called "background knowledge". From the term itself, it becomes clear that it means all the unity of ideas about what constitutes the real background on which the picture of the life of another country, another people unfolds.

Background knowledge tends to constantly expand over time, due to active contacts between peoples and cultures. One of the sources of background knowledge is the translation of works of art, which introduces a wide range of people to foreign culture. An important role

in the works is played by material objects that have names in the original and require names in translation. And these names are given in different ways.

For example, the very name of the estate “Wuthering” is a definition formed from the word “*wuther*”, which translates as “*атака*” as a noun and as “*дрожать*” as a verb, and the noun “Heights” means “*возвышенности*”. After all, the translation of the name “*Грозовой перевал*”, which was first suggested by N. Volpin, is very literary and imagery. In English, it literally means “*завывающие высоты*”.

However, as E. Bronte herself wrote, the name of the estate characterizes the area where it is located: hills and windy weather.

And we can assume that the name “*Грозовой перевал*” is directly related to the fact that the house is located high on the hills and the storm there is felt like nowhere else strongly. But we can see in the name a hint that the book is about a place of fatal and stormy passions and a place open to the winds. Anyways, this version firmly fixed, and was adopted by all subsequent translators.

In the middle area of Europe, there are no such expanses where the moors could be located. The English moors, those fields of heather that extend into the horizon – are the most important element in classical English literature. “*Wuthering Heights*” is no exception. E. Bronte describes the native English expanses as follows: “*and the moors seen at a distance, broken into cool dusky dells; but close by great swells of long grass undulating in waves to the breeze; and woods and sounding water*” [5].

The word “moors” can be translated as “moss swamps, wetlands”, but you need to be aware that “*мьюры*” are usually heath swamps, but they also have an extensive cover of grass, fluff, moss, ferns and shrubs, etc. Both translators selected successful versions of translations: “*вересковые поля*” [1] (Volpin N.), “*верестк*” [2] (Saptsina U.).

In the same passage, we see differences in the translation of the word “*dells*”. It would seem that “*ложбины*” [1] (Volpin N.) and the word “*лощины*” [2] (Saptsina U.) mean the same thing. But we must remember that the word “dells” should be translated as “*лощина*” – an element of the hydrographic network, which differs from “*ложбины*” in its sharper outlines, depth and steepness of the slopes. This example indicates the weakness of the background knowledge of the translator Volpin N., while it is necessary to take into account the fact that subsequent translators, including Saptsina U., learned from her mistakes.

The lack of lexemes that convey landscape descriptions in the original text presents a particular challenge too. A set of signs, connections between them, and associations that are

close to native speakers, but are incomprehensible to a person belonging to another language community, is found in folklore and literary works, and creates certain difficulties for translation. The realities have a stylistic load too. That's why the transfer of the content of realities and the equalization of their functional and stylistic characteristics is the main, and at the same time quite difficult task, aimed at achieving the same impact on the reader of the translated and the original book.

An interesting example of reality can be found in the fragment of the second chapter of the book: *"I arrived at Heathcliffs garden-gate just in time to escape the first feathery flakes of a snow-shower"* [5].

The word "*snow-shower*" in English dictionaries has the definition "*a snow that is more than a flurry, but less than a snow storm or a blizzard*" [6]. Due to extralinguistic differences in English and Russian languages, there is no lexeme that conveys this meaning in Russian. Therefore, the translators use generalization: Volpin N. uses the simple word "*снег*" [1], and Saptina U. uses the word "*метель*" [2]. As you can see, Russian-language equivalents retain all the main components of the meaning of the original reality. The only significant difference is the omission of the snow intensity characteristic. However, based on the context, we can assume that this characteristic is reflected by the phrase "feathery flakes" – "*перистые хлопья*" [1] (N. Volpin), "*пушистые хлопья*" [2] (U. Saptina). in both variants the lexical reality is conveyed as fully as possible.

Specific features of a literary work are expressiveness, imagery. This is due to the fact that the authors of literary texts resort to all sorts of stylistic techniques to strengthen the semantic significance of words or give a whole phrase a special stylistic color. Stylistic means of expression aesthetically affect the reader. That is why the presence of stylistic devices in landscape descriptions is another pitfall for the translator.

All linguists emphasize the need of preserving the original image in translated text, rightly considering that, first of all, the translator should strive to reproduce the function of the stylistic device, but not the device itself.

When transmitting stylistic devices (comparisons, epithets, metaphors, etc.) the translator must decide each time whether to preserve the underlying image or replace it with another one. The reason for the replacement may be the peculiarities of Russian word usage, word compatibility, and so on.

Of course, you can translate without taking these text units into account, but the result will be a "dry" or "poor" translation.

Whether translators can convert these important units of text depends on their skill, experience, and thinking skills. That is why there are also differences in the work of translators.

For example, the epithet “*rough*” in Lockwood's exclamation “*Rough weather!*” [5] in “*Wuthering Heights*” is no longer addressed to the weather, but to the rudeness of the inhabitants of the house. Both Volpin N. and Sapsina U. preserved the ideomatics of the statement, offering the same version of “*Скверная погода!*” [1, 2].

But sometimes we notice discrepancies in the selection of Russian equivalents. Sapsina U., for example, the word “*mellow*” in the passage “*On a mellow evening in September*” [5] translates as “*дивный*” [2], while Volpin N. gives the variant “*теплый*” [1].

The English word “*mellow*” is represented by different words in Russian, depending on the noun it defines. This indicates a very broad semantic scope of the word. But, it should be noted that the variant “*дивный*” has more expressiveness.

Another example is the translation of personification “*suffocating snow*” in the passage “*sky and hills mingled in one bitter whirl of wind and suffocating snow*” [5]. Volpin N. preserved the originality of the phrase, giving the version “*душачий снег*” [1]. Sapsina U. also used personification, however, with a qualitative distinction “*слепающий снег*” [2]. The word “*suffocating*” in Russian means “*удушающий, удушливый*”, but not “*слепающий*”.

The interesting fact is that Volpin N. in sometimes avoided stylistic adequacy in her translation. So, the metaphor “*...she rewarded him with such a summer of sweetness and affection in return*” [5] in her translation is lost and is transferred by the paraphrase “*вознаградила мужа такую пылкой нежностью и вниманием*” [1]. Sapsina U. replaced this metaphor with a rather successful variant “*в награду нежность и забота Кэтрин распустились пышным цветом*” [2]. The very complexity of translating the metaphor “*a summer of sweetness and affection*” is that it is a one part of speech (noun), in Russian, an adequate version of the metaphor cannot be found. Maintaining the metaphor, the translator Sapsina U. set a main priority – to create an aesthetic impact on the reader.

As a result of the analysis, we can see that the translators face a very difficult problem – the most successful and comprehensive reconstruction of the landscape into the target language. And this translation should not only recreate the picture, but also carry the same pragmatic effect on the reader, evoke the necessary palette of feelings. We also see the strengths and weaknesses of both translators. Volpin N. is distinguished by the smoothness of the narration and expressiveness of details, she pays special attention to the descriptions of the landscape, tries to preserve the identity of the original text. At the same time, we notice

a weakness in the translator's background knowledge. This may be due to poor contact between cultures in the middle of the 20th century. Background knowledge tends to constantly expand over time, and this is what allowed Saptsina U. to successfully cope with the translation of realities. On the other hand, Saptsina U. takes liberties in the structural design of the text, often omits and rearranges the content.

References

1. Бронте Э. Грозовой перевал. Перевод с англ. Н. Вольпин. М., 1956.
2. Бронте Э. Грозовой перевал. Перевод с англ. У. Сапцина. М., 2009.
3. Комиссаров В.Н. Современное переводоведение. М., 2011.
4. Пустовойт П. Г. Слово, стиль, образ. М., 2005.
5. Emily Bronte. Wuthering Heights. [Electronic resource] URL: <https://www.gutenberg.org/files/768/768-h/768-h.htm> (дата обращения – 14. 10. 2020).
6. Словарь Академик. [Electronic resource] URL: <mailto:dic.academic.ru> (дата обращения – 21. 10. 2020).

CULTURAL HYBRIDIZATION

UDC 791.6

Mishina T.V., Samsonenko T.A., Ron I.N. Features of the mass holiday organization

Особенности организации массового праздника

Mishina Tatiana Valerievna

Samsonenko Tatiana Alexandrovna

Ron Irina Nikolaevna

1. PhD in Philosophy, Associate Professor of the Kuban State University of Physical Culture, Sports and Tourism
2. Doctor of Historical Sciences, Professor of the Kuban State University of Physical Culture, Sports and Tourism
3. Candidate of Pedagogical Sciences, Associate Professor of the Kuban State University of Physical Culture, Sports and Tourism

Мишина Татьяна Валерьевна
Самсоненко Татьяна Александровна
Ронь Ирина Николаевна

1. Кандидат философских наук, доцент Кубанского государственного университета физической культуры, спорта и туризма
2. Доктор исторических наук, профессор Кубанского государственного университета физической культуры, спорта и туризма
3. Кандидат педагогических наук, доцент Кубанского государственного университета физической культуры, спорта и туризма

Abstract. The publication examines the main features of organizing a mass holiday. The history of the development of mass events is described, their significance in fostering feelings of collectivism and patriotism is indicated. The formulated features of the organization of multi-site events, the role of the director in the organization and planning of the event is determined. The emotional and spectacular form of this kind of holidays is determined, the features of mesen-en-scene and scenography are reflected in the preparation and holding of a mass holiday timed to coincide with a significant event in society.

Keywords: mass holiday, features, space, time frame, set design, stage design

Аннотация. В публикации рассматриваются основные особенности организации массового праздника. Описана история развития массовых мероприятий, указана их значимость при воспитании чувств коллективизма и патриотизма. Сформулированные особенности организации многоплощадных мероприятий, определена роль режиссера при организации и планировании мероприятия. Определена эмоционально-зрелищная форма данного рода праздников, отражены особенности мезансценирования и сценографии при подготовке и проведении массового праздника, приуроченного к значимому событию социума.

Ключевые слова: массовый праздник, особенности, пространство, временные рамки, сценография, мизансцена

Рецензент: Дудкина Ольга Владимировна, кандидат социологических наук, доцент. Донской государственный технический университет (ДГТУ), г. Ростов-на-Дону, Факультет «Сервис и туризм», кафедра «Сервис, туризм и индустрия гостеприимства»

Массовый праздник это масштабное, колоритное мероприятие, имеющее глубокие социально-психологические корни, затрагивающее интересы большинства людей. Массовый праздник не может быть организован спонтанно, чаще всего он приурочен к какому либо знаковому событию для народа, страны или более локальной территории, памятной дате. Так же характеризуя данное явление отметим, что отличие данного вида праздников от других, заключатся в его масштабности и многоплощадности, то есть одновременно на нескольких площадках или сценах города проходят театрализованные выступления, концерты, тематические мероприятия и иные действия, и зрители выбирают локацию для посещения полагаясь на свои предпочтения.

История массовых мероприятий и праздников уходит своими корнями к древнейшим временам. Начиная со времен античности и массовых мероприятий древнего Рима и древней Греции массовые праздники приобрели масштабность, церемониальность и фиксацию в истории []. Данные праздничные события, объединяли людей, воспитывали чувства коллективизма, играли не только досуговую роль, но и несли сакральную нагрузку, включали в себя различные обряды, многие из которых сохранились до наших времён. Благодаря исследованию массовых праздников, мы можем проследить особенности культуры определенного этноса или исторического периода, увидеть актуальные для того или иного периода произведения искусства; проследить национальные и ментальные особенности народов благодаря изучению народного фольклора, который насыщен мировоззрениями людей, включает общественные и политические идеалы определённой эпохи, стереотипные представления, особенности быта и многое другое, культурно насыщенное наследие.

Проведение массового праздника в полной мере зависит от целей, намерений и желания организатора, от количества людей и поликультурного состава зрительской аудитории, принимающей в нём участие и от определённого режиссёром события, которое он будет воплощать.

В современном мире различные виды массовых мероприятий требуют активной и непрерывной динамики. Это связано с тем что, современное общество

мультикультурально, благодаря информационной доступности имеет возможность изучать и интересоваться различными культурными течениями и направлениями в праздничной культуре различных стран. Благодаря такой информационной насыщенности возрастают требования общества в организации проведения их досуга. Поэтому сегодня, главной целью режиссёров массовых мероприятий должно быть умение организовывать содержательное проведение свободного времени населения, ссылаясь на самые различные интересы общества, и при этом воспитывать в личности чувство патриотизма.

Массовое мероприятие - это событие, связанное с какими-либо явлениями, как в культурной, так и в политической сфере деятельности, открытое для всех членов общества и имеющее определённые временные рамки, а также требующее оригинальности мышления режиссёра, специфики в организации и динамичности в проведении. Массовый праздник - это собрание людей, объединённых общей целью, идеями, движимых единой мыслью.

Одной из основных задач, при организации массового мероприятия является его пространственная характеристика. Так, режиссёру необходимо иметь чёткое представление о таких важных понятиях, как «праздничное пространство». Ему нельзя дать одно конкретное определение, так как оно имеет значительные различия по структурным, количественным, качественным и многим другим характеристикам. Важнейшим является поиск площадки и пространственных границ, где, собственно, и будет проводиться массовое мероприятие.

Праздничное пространство имеет широчайшее развитие с помощью интернета и телевидения. В наше время человек может стать участником массового мероприятия с помощью социальных сетей или экрана телевизора. Таким образом, пространственному расширению способствуют системы связи и медиакультура.

Одной из особенностей массового праздника является выбор места проведения самого мероприятия. Место проведения может быть самым разным: парки, площади, стадионы, улицы, спорткомплексы, различные учреждения, площадки под открытым небом и многие другие. Однако в любом случае зрелища всегда проводятся на больших пространствах, ведь массовое мероприятие подразумевает участие большого количества исполнителей, а также массовость зрителей. В массовом зрелище зритель практически не видит лица и глаз актера, соответственно ни нюансов мимики, ни подробностей пластического рисунка роли. Так как массовые праздники могут

создаваться на открытом пространстве, то сконцентрировать зрительское внимание становится ещё тяжелее.

Сценография также является способом передачи пространства и времени театрального произведения. Сценография усиливает атмосферу происходящего. Различные методы работы с декорациями и освещением, помогают в создании особого образа. Мизансцена – это расположение исполнителей на площадке в зависимости друг от друга или в зависимости от отношения к окружающей их среде. Режиссёру необходимо уметь мыслить пластическими образами для того, чтобы применить их на практике. Учитывая то, что в массовом представлении принимает участие огромное количество исполнителей, то действия на сцене должны быть четкими и понятными зрителю, обычно режиссёр применяет методы построения и перестроения []. Мизансцена должна иметь определённые временные рамки в зависимости от режиссёрского замысла. Ещё до репетиций на площадке режиссёр должен продумать различные перемещения исполнителей в пространстве для того, чтобы репетиционный процесс проходил организованно. Очень важно также распланировать расположение декораций на площадке.

Также при организации массового праздника следует помнить о главных постулатах: не потерять значимую мысль общественного события, она должна пронизывать всю программу мероприятия от начала до конца, и прослеживаться в организационных деталях. Форму проведения следует выбирать эмоционально зрелищную, так, как только в тандеме этих проявлений возможно получить праздничный эффект.

Массовый праздник и его культуролого-антропологические особенности представляют собой сложную структуру, состоящую из множества взаимосвязанных и взаимозаменяемых частиц. Каждое слагаемое массового мероприятия представляет собой огромную вариативность, оригинальность и многогранность. Праздник, вбирая в себя опыт всех национальных традиций, обычаев и культуру, включает в себя различные виды художественной деятельности, требующие высокого эмоционального настроения, который необходимо поддерживать как самому себе, так и включать в него окружающих, тем самым создавать общее состояние и настроение на определённой площадке и в определённое время.

References

1. Еремина Е.А., Ильичева В.А. Средства гимнастики в профессиональной подготовке режиссера массовых выступлений и праздников. Материалы научной и научно-методической конференции профессорско-преподавательского состава Кубанского государственного университета физической культуры, спорта и туризма. 2019. № 1. С. 102-103.
2. Еремина Е.А., Макрушина И.В., Ильичева В.А. Олимпийский торжественный церемониал- опыт, проблемы, перспективы. В сборнике: Физическая культура и спорт. Олимпийское образование. Материалы международной научно-практической конференции. 2019. С. 225-228.
3. Макрушина И.В., Еремина Е.А., Тонковидова А.В. Организация и меры безопасности при проведении туристских мероприятий. Интегрированные коммуникации в спорте и туризме: образование, тенденции, международный опыт. 2018. Т. 2. С. 73-74.
4. Плотников А.В., Плотникова Г.Г., Подольская И.Н. Визуализация художественно-спортивных зрелищ в социально-культурном пространстве городской среды: педагогический аспект. Физическая культура, спорт - наука и практика. 2020. № 3. С. 73-82.
5. Плотникова Г.Г., Исаева О.С. Социальный смысл праздника и его реализация в тематическом концерте. В сборнике: Социальная консолидация и социальное воспроизводство современного российского общества: ресурсы, проблемы и перспективы. Материалы VI Всероссийской научно-практической конференции. 2020. С. 57-63.

ECONOMY, ORGANIZATION AND MANAGEMENT OF ENTERPRISES, INDUSTRIES, COMPLEXES

UDC 658.562

Smetanina T.V. The influence of basic economic concepts on the assessment of the conformity of the price and quality of products and services in the context of digitalization of technological processes

Smetanina T.V.

Candidate of Economic Sciences, Associate Professor
of St. Petersburg State University of Industrial Technologies,
St. Petersburg, RF

***Abstract.** Despite the development of technology, the emergence of digital products, the displacement of a significant number of products and services into an intangible form, the level of assessment, measurement, quality control, as well as compliance with its price, it relies on the methods and concepts of the late 19th and early 20th centuries. The digitalization of the economy only increases the role of the basic theoretical schools of management. The reason lies in the paramount importance of labor resources in the total set of scarce resources used in the production process. Comparing the experience of leading specialists in the field of management and economics with the organization of modern economic processes, one can draw conclusions about the value of basic concepts that can characterize products and services in the digital economy and give recommendations for their key understanding.*

***Keywords:** Digitalization, smart business, exchange value, cyclicity, process, quality, price, product, service, item value.*

Рецензент: Бюллер Елена Александровна – кандидат экономических наук,
доцент. ФГБОУ ВО «Адыгеский государственный университет»

This research topic is relevant. This is especially evident in the context of a sharp increase in the development of digital technologies and their participation in economic processes. Correspondence of price and quality, measurability of quality is what is argued over and what is actively discussed in scientific circles.

To determine the role of the basic concepts of utility, exchange value, labor in modern economic processes, based on the opinions of well-known theorists, is the purpose of this study.

All labor is, on the one hand, the expenditure of human labor power in the physiological sense - and in this quality of its identical, or abstractly human, labor forms the value of commodities. Any labor is, on the other hand, the expenditure of human labor power in a special expedient form, and in this quality of its concrete useful labor it creates use values [1].

Labor in the same period of time can create different masses of use values. The masses of use values depend on changes in the productive force and on the productivity of labor.

That is, you can spend an equal amount of labor, but get different masses of use values.

Simple average labor is used to evaluate complex labor. It is the expenditure of simple labor, which, on average, is possessed by the bodily organism of every ordinary person who does not differ in special development [1]. Labor is the father of wealth, land is its mother [2].

In the context of digitalization, the quality of the mass of use values is changing. The expediency of labor prevails. Labor is discharged into non-material resulting forms. Physiological effort comes down to mental expenditure. Labor is becoming more intellectual. The physical component of labor is decreasing. This happened at the stage of industrialization of the economy. Currently taking place at the digitalization stage. Moreover, not only heavy machines are now involved in this process, but also digital means of communication, which are the result of the algorithmicization of processes taking place in society.

According to David Ricardo, "the value of an object, or the amount of any other object for which it is exchanged, depends on the comparative amount of labor required for its production, and not on the greater or lesser remuneration received for this labor. [3]"

Labor efforts prevail over material incentives. A person who produces labor is sometimes even more interested in his own realization than in the amount of remuneration received for him.

Adam Smith noted that "the word value is used in two different meanings and sometimes expresses the usefulness of an object, sometimes the purchase power relative to other objects, which is provided by the possession of it. The first can be called the value of consumption, the second - the exchange value "[3]. Exchange value determines the amount that are willing to pay for the result of labor in order to have a definite consumer value. Under the conditions of a change in the nature of the result of labor, exchange value and consumer value are dominant in the production process.

If an object has no use value at all, in other words, if we cannot derive either pleasure or benefit from it for ourselves, then it will have no exchange value, despite its rarity and the amount of labor required to produce it. ...

Utility items derive their exchange value from two sources: rarity and the amount of labor required to obtain them.

There are some items whose value is determined solely by their rarity. No labor is able to increase the number of such items, and therefore their value cannot be diminished by an increase in supply. Some rare paintings and statues, rare books and coins, wines of special quality, obtained from grapes growing on a specific soil, the space of which is very limited, belong to this category. Their value does not in the least depend on the labor required for their initial production, and fluctuates, depending on the change in the wealth and inclinations of those who want to possess them. Consider at the present time the work of the service personnel and the work of the teacher. They can be compared in terms of the amount of effort invested in achieving exchange value. For the labor of service personnel, the exchange value is higher, since the result is the value of consumption we get immediately. A teacher who has invested more preparatory effort in the result of labor receives a lower exchange value, since the result of the value of consumption is deferred. In addition, there is one more feature. This is a rare labor. Failure to comply with copyright protection for intellectual work leads to a decrease in its value. And hence the fall in its exchange value. Considering the work of a teacher as a result of intellectual work, it is possible to compare its exchange value with the value of a product produced in the digital economy, where software products, as well as secret formulas and algorithms are the basis.

"The real cost of every thing," says Hell. Smith, - that every thing really costs a person who wants to acquire it, this is the labor and effort of acquiring it. That each thing is really worth to the person who acquired it and who wishes to dispose of it, or exchange it for something else, is labor and effort that can be saved for him and which he can impose on other persons. Labor was the first price, the original coin that was paid for everything. "

If, in relation to the labor of service personnel, the acquisition efforts for the person who is the final consumer are insignificant. Then, in relation to the educational process, a person must spend considerable effort to understand the value of the product. Hence there is a decrease in the exchange value of the teacher's commodity.

In the context of digitalization of technological processes, exchange value falls even more. It becomes even more difficult to consume a product characterized by digital

technological processes. It is necessary to understand the consumption process. A person, that is, the final consumer, must be ready to purchase a product with such reinforcement [4].

Such a significant increase in the amount of work that can be performed by the same number of workers as a result of the division of labor depends on three different conditions: first, on the increase in the dexterity of each individual worker; secondly, from saving time, which is usually wasted in the transition from one type of labor to another; and, finally, from the invention of a large number of machines that facilitate and reduce labor and allow one person to perform the work of several [5].

In the book Drury K. defines the importance of organizational work for the successful functioning of firms. In the context of digitalization of technological processes, this is an important aspect. It is necessary to clearly understand the distribution of powers, lines of authority and reporting [6]. This is the only way to start digitizing processes. The digitalization of processes is directly related to the services provided by IT specialists. The quality of the service must be continually assessed. The service provider must control the degree to which the customer's needs are met. If the needs are not fully met, the price of the service should be revised [7].

Quality is a set of characteristics of a product or service that form the ability of a product to satisfy formed and implied needs [8].

The concept of "reasonable price" should be associated with the degree to which the customer's needs are satisfied. Quality and reasonable price must be proportionate.

The quality of a service is made up of the quality of the processes it consists of. This is very important to understand when digitalizing technological processes.

Quality assurance is determined by Shewhart-Deming cycles.

The issue of quality began to rise from ancient times, namely from the period when a person took a stone in his hands. That is, the simplest means of production appeared. And then the need for quality control arose. But to be aware of this process from a period of 1,000,000 years ago to 5,000 years ago. This process was associated with the development of human community and the beginning of quality control was associated with the construction of the pyramids in ancient Egypt [9].

From 1787 to 1924 the turning point in the development of quality control begins.

This process was due to a change in the quality of the means of production.

The digitalization of technological processes, spurred on by the crisis in society, has led to a new leap forward development of quality control.

Providing quality digital services requires the organizational maturity of the service providers themselves.

As a result of the digitalization of services, the quality of products and services began to be assessed more individually. Large companies that are accustomed to living in the old way have sharply reduced their life cycle. However, there were also leaders who were able to quickly respond to ongoing processes. These companies include Adobe, Amazon, Apple, Facebook, Google, and Netflix [10]

The digital process society relies on new technologies. New directions appear that can explain the processes of digitalization of the economy. So a product manager is a role that has elements of engineering, marketing, research and project management, and this role is key to creating outstanding products. It requires continuous attention to the integrity of the product, integrating under a single vision how a product is designed, created, named, branded and marketed. Combining these functions, it is possible to regulate the exchange value of a product in the context of digitalization. This is the direction of movement towards smart business, which involves the development of quality management of products and services in modern business conditions [11].

Much attention is paid to the response to innovation, functionality and audits. Statistical analysis allows you to visually integrate into modern processes in the economy. Compared to the basic concepts of exchange value, the modern price of products and services depends on a much larger number of factors that are needed

When the question of price arises, you need to focus on the concept of the average check. If the assortment offers positions with a fairly high price, then they generally determine the overall result of the received proceeds from sales. The high price pulls up the general indicators of the economic activity of the organization. Due to this approach, it is possible to project the consumer value and utility of the product, services offered for sale. By implicitly buying the result of labor at a lower cost, the buyer will still subconsciously overpay for the quality associated with the high price level of certain assortment items. According to Dan Ariely, people make decisions based on comparison. This is the predictable irrationality of their decisions [12].

Despite the development of digitalization, the influence of the school of scientific management on management processes in modern society has in no way decreased. Four basic rules of management

- 1 Find the right people.

2 Give them the job they are best suited for.

3 Don't forget about motivation.

4 Help them unite into one team and work like this further.

(Everything else is administrative nonsense.) These are the basics, which at one time were promoted by F. Taylor, G. Gant, F. and L. Gilbrets, D. Emerson. The significance of these teachings does not diminish in the modern world. The reason for this is the primacy of a scarce resource - labor, in all processes resulting in the creation of added value.

It is also important to meet the basic needs of a person as a producing system. If a person is safe, then he is engaged in the implementation of the tasks assigned to him with greater responsibility and diligence. This was determined by the behavioral school, including A. Maslow [13].

Information technology is characterized by value in relation to the customer, the costs of information technology are rational and controlled. The risks associated with the production of information technology are commensurate with the level of their usefulness.

The effectiveness of information technology is spelled out in standards and bodies of knowledge that offer process models (COBIT, ITIL®, ISO / IEC 20000). The purpose of the process defines what the process should provide in a certain fixed period of time. The goals must meet the SMART criteria (specific, measurable, achievable, relevant, time-bound).

For the assessment, it is necessary to rely on the Shewhart-Deming cycle, as well as to be aware of the exchange value of digital goods [14].

The standardization process was formulated by G. Ford. Who was also a representative of the School of Scientific Management. It is impossible to match the price and quality without it. Therefore, abandoning standards in favor of those that are not introduced and do not correspond to supporting processes is impossible [15].

References

1. Marx, Karl. Capital: A Critique of Political Economy. Volume I / K. Marks - Moscow: Eksmo, 2018 - 1200 p. - Great economists - P. 106.
2. Petty W. Treatise of Taxes and Contributions. London, 1667, p. 47.
3. Ricardo D. Principles of political economy and taxation / D. Ricardo - "Strelbitsky's Multimedia Publishing House", p. 21.

4. Philip Kotler: Marketing Essentials, 1984. / Philip Kotler: Fundamentals of Marketing. Translation into Russian: V.B. Bobrov. - M., 1990. <https://gtmarket.ru/laboratory/basis/5091/5099> - date of treatment 11/12/2020.
5. Adam Smith. "Research on the nature and causes of the wealth of peoples", 1776 https://www.gumer.info/bibliotek_Buks/Econom/smit/smit_1.pdf - date of treatment 11/12/2020.
6. Drury K. Introduction to management and production accounting: Textbook. manual for universities / Per. from English. ed. N. D. Eriashvili; Foreword by prof. P.S. Handless. - 3rd ed., Rev. and add. - M.: Audit, UNITI, 1998 - P. 16.
7. Jan van Bon. Foundations of IT Service Management. - Van Haren, 2007-02-01. - P. 4. - ISBN 9789087538446.
8. ISO 8402: 1994 Quality management and quality assurance - Vocabulary.
9. Walter A. Shewhard, W. Edwards Deming. Statistical method from the viewpoint of quality control. The Graduate School The Department of Agriculture Washington, 1939 - P. 3.
10. HOW TO CREATE TECH PRODUCTS CUSTOMERS LOVE SECOND EDITION MARTY CAGAN Founder, Silicon Valley Product Group Copyright © 2018 by Wiley. All rights reserved. Published by John Wiley & Sons, Inc., Hoboken, New Jersey. Published simultaneously in Canada - P. 14.
11. "Intercom on Product Management" - 2017 Intercom Inc. https://docs.google.com/document/d/1Ygw9hPIEqq7ms_ZuGniawhel0ZkoRukLXHOs0Qxusig/edit
12. Dan Ariely. Book: "Predictable irrationality. The hidden forces that shape our decisions" <https://knigi-for.me/books/nauchnye-i-nauchno-populjarnye-knigi/sci-psychology/page-4-168914-den-arieli-predskazuemaya-irrationalnost-skrytye.html> /
13. Tom DeMarco Deadline. A novel about project management. <https://massolit.top/book/deadline-roman-ob-upravlenii-proektami/reading>
14. Roman Zhuravlev, Dmitry Isaychenko Measurement and evaluation of IT processes. Slender theory and design practice. <https://cleverics.ru/subject-field/articles/522-process-measurement-and-evaluation>
15. Kruglov M. G., Artonkina N. V. In the world of quality management - quality management February 2020 №1. P. 2-10.

UDC 658.562

Smetanina T.V. The labor process and the process of increasing value in the context of the economic crisis provoked by the pandemic

Smetanina T.V.

Candidate of Economic Sciences, Associate Professor
of St. Petersburg State University of Industrial Technologies,
St. Petersburg, RF

Abstract. *Labor is the basis for value creation. Man produces labor. The displacement of labor into the virtual sphere from the material sphere generates a change in the requirements for a person, as such. Digital services are virtual services. They can be seen as a reinforcement of a material good. The quality of a digital service determines the quality of the product that it promotes. In the context of a social and economic crisis, it is necessary to anticipate changes in the requirements for knowledge, labor and human skills. Digital services are usually included in the main product, so the cost of digital services should be equivalent and comparable to the cost of this product. The material sphere remains more significant for society than the immaterial one. This predetermines the smoothing out of the consequences of crises, including those expressed in the form of a drop in the quality of goods and an increase in unemployment.*

Keywords: *Process, product value, service, economic crisis, labor, pandemic, quality, exchange value, use value, social crisis.*

Рецензент: Бюллер Елена Александровна – кандидат экономических наук, доцент. ФГБОУ ВО «Адыгеский государственный университет»

The problems of the consequences of economic and social crises, loss of quality and unemployment can be solved by analyzing the basic concepts used in economics.

The relevance of this type of research is predetermined by the current conditions for the functioning of socio-economic systems in society.

Goods are born in the form of use values. This is their homegrown natural form [1]. A commodity is inherently both a commodity and a bearer of value. Possession of two forms - the natural form and the form of value determine the value of the product as such.

The value of a commodity is its social form and exchange value. Goods are interesting only when they can be exchanged.

The value of goods can be expressed in relative and equivalent values. One product can be active, another product can be passive. One commodity can be included in its value in the cost of another commodity.

As a result, the process of establishing value will be predetermined by the active or passive position of the goods being compared with each other.

We consider goods both in the form of a product and in the form of a service. In the context of the economic crisis, it is important to determine the primary and secondary nature of the goods presented. One product is the basis of another product. If we consider the development of digital processes in a pandemic, then it can be noted that digitalization processes clothe an active product in a kind of passive form. Digital processes from the point of view of F. Kotler [2] determine the reinforcement of an active product in its promotion in the context of an economic crisis [6]. Again, it should be noted that this type of crisis is provoked by social processes in society. The pandemic has decisively affected all areas of human activity. Labor began to be more and more displaced into the area of non-material production and furnished in a virtual sphere.

Digital services have moved into the category of active goods that affect the cost of passive products and services. If we define the concepts of the relative form of value and the equivalent form of value, then it can be noted that the cost of digital services can be included in the composition of the relative and equivalent forms of value. It all depends on what kind of product they influence.

The same values should be reduced to one equivalent, then they can be considered regardless of the amount of goods presented.

In this case, posting information about a product on social networks, on a website, organizing the sale of goods through Internet placements, allows the digital promotion service to be reduced to one equivalent.

The psychological impact of the social crisis on a person [3,4], which in this case under consideration is a potential buyer and customer of goods, accelerates the process of moving the function of promoting goods into virtual space.

Labor is the prototype of the value of a commodity. It is contained in this value. Tearing off the cost of moving goods from the material sphere to the virtual one, labor also undergoes deformation. As a result, labor becomes virtual. And its value is taking on a new form.

The equivalence of dissimilar goods reveals the specifics of the labor inherent in it. If we consider digital services and transport services, namely virtual and material services, then the equivalence of these services determines that the labor that is part of them predetermines the specifics.

The placement of services in the virtual area in the future can lead to a decrease in the demand for labor in the material area, and this will further affect the requirements for the knowledge, skills and experience of potential workers or carriers of this labor.

As a result of these processes, the generation of a new kind of unemployed may occur. To make many professions unclaimed in the current conditions.

If we consider the quality of a digital service, then it is included in the cost of an active product, in which the digital service plays the role of a form of product reinforcement.

That is, a product is of high quality only when the service that promotes it and is its reinforcement is also of high quality [10, 11].

As for the use value, the product itself, which is promoted through a digital service, has a more significant use value. Hence, we can conclude that a digital service cannot be more significant in its use value than the product that it supports.

Returning to the growth of unemployment in conditions of substitution of services in the virtual sphere, it should be noted that most of the use value still remains in the material sphere. Therefore, by carrying out a proportional redistribution of values from the virtual to the material sphere, it is possible to manage the economic consequences of the crisis.

The labor time it takes to produce digital services is a measure of value. As well as working time, which is spent on the production of goods in the material sphere. Labor productivity determines the equivalent value as well as the need for people. This affects employment. That is, in order to increase the need for labor, and therefore reduce unemployment, it is necessary to increase the number of digital services provided. Implement them actively in all areas of activity. To ensure that as a reinforcement of the product, they can offer themselves for any product.

The cyclical nature of economic crises gives rise to an abrupt development of economic relations that affect the economy of socio-economic systems, the quality of goods and for each person separately [7,8,9].

The value of the product [12] depends on the amount of labor that is invested in the product. As a result, by improving the quality of labor, redistributing it between the production of the basic goods and the goods for reinforcement, we obtain a positive cumulative synergistic effect that positively affects the state of the economy of the sovereign territory as a whole [13, 14, 15].

References

1. Marx, Karl. Capital: A Critique of Political Economy. Volume I / K. Marks - Moscow: Eksmo, 2018 - 1200 p. - Great economists - P. 106.
2. Kotler F. Basics of marketing - M: Progress, 1991, 652 pages. Translation into Russian, introductory article, notes and design? publishing house "Progress", 1990. Translated from English by VB Bobrov. General edition and introductory article by E.M. Penkova. Editors: O. G. Radynova, Yu. I. Kukolev. by Prentice-Hall, Inc. , Englewood Cliffs, NJ 07632. SBN-0-13-557232-0.
3. Jung KG Psychology of the unconscious. - M.: Kogito-Center, 2010.-- 352 p. - ISBN 978-5-88373-354-2.
4. Jung KG Psychological types. - M.-SPb.: Progress-Univers, 1995. - 718 p.
5. Jung, C. G. The Gnostic Jung: Including .. - Hoboken: Taylor and Francis, 2013. - P. 49. - 1 online resource (284 pages) p. - ISBN 9781317761969.
6. Smith A. Research on the nature and causes of the wealth of peoples. - M.: Eksmo, 2007. - (Series: Anthology of Economic Thought) - 960 p. - ISBN 978-5-699-18389-0.
7. Kondratyev ND Basic problems of economic statics and dynamics: Preliminary sketch. - 1st ed. - Moscow: Nauka, 1991.-- 567 p. - (Sociological heritage). - 3,500 copies - ISBN 5-02-013438-4.
8. Kondratyev ND Problems of economic dynamics. - M.: Economics, 1989.-- 526 p. ISBN 5-282-00700-2.
9. Kondratyev ND World economy and its conjuncture during and after the war. - Vologda: Regional Department of the State Publishing House, 1922.
10. Okrepilov VV Quality management. Textbook in 2 volumes. - SPb.: Nauka, 2007.
11. Okrepilov V. Economics of quality for sustainable development. - St. Petersburg, Publishing House of Peter the Great St. Petersburg Polytechnical University, 2015.
12. Ricardo D. Principles of political economy and taxation / D. Ricardo - "Strelbitsky's Multimedia Publishing House", p. 21.
13. Smetanina, T.V. The main theoretical aspects of quality management of an organization and their relationship with the theory of the organization / T. V. Smetanina, O. V. Zhikina / [Text]: periodical scientific journal / founder and publisher St. Petersburg State University of Technology and Design, Bulletin of higher educational institutions. Light industry technology. - 2017, Scientific journal volume 27, No. 1, pp. 32-40 - St. Petersburg, 2017 - Period. - ISSN 0021-3489. - 0.68 / 0.34 p. L.
14. Smetanina, T.V. Development of an algorithm for implementing a request for information protection / T.V. Smetanina, E.S. Yakovleva [Text]: published 4 times a year / founder Volgograd Institute of Business, Business. Education. Right. Bulletin of the Volgograd Institute of Business. - 2015, Scientific journal No. 3 (32) August, pp. 86-95 - Volgograd, 2015 - Period. - ISSN 1990-536X. - 0.77 / 0.38 p.p.
15. Smetanina, T.V. Determination of the optimal method for calculating the real value of intellectual capital for Russia / T.V. Smetanina, O. V. Zhikina [Text]: published 4 times a year / founder Volgograd Institute of Business, Business. Education. Right. Bulletin of the Volgograd Institute of Business. - 2015, Scientific journal No. 4 (33) November, pp. 124-130 - Volgograd, 2015 - Period. - ISSN 1990-536X. - 0.51 / 0.26 p.p.

FORENSIC SCIENCE

UDC 343.98

Sokolova D., Brager D. Features of the forensic characterization of crimes related to embezzlement in the construction of buildings and structures

Sokolova Daria Dmitrievna,

Master Far Eastern State University of Railways,
Khabarovsk

Brager Dmitry Konstantinovich,

PhD, Associate Professor

Sakhalin Institute of Railway Transport - a branch of the Far Eastern State University of Railways in
Yuzhno-Sakhalinsk

Abstract. *The article is devoted to the actual problem of today - the forensic characterization of crimes related to theft during the construction of buildings and structures. Based on the analysis of monographic and dissertation research, the general concept of the criminalistic characteristics of crimes, the content of its structural elements, is revealed. The analysis of scientific approaches proposed by representatives of the forensic doctrine allowed the author to identify the features of the forensic characteristics of crimes associated with theft in the construction of buildings and structures and to formulate the author's definition of the concept of forensic characteristics of crimes associated with theft in the construction of buildings and structures. According to the author, the obligatory structural elements of the forensic characteristics of the analyzed category of crimes are: information on the method of theft during the construction of buildings and structures, as well as information on typical traces of committed or committed theft during the construction of buildings and structures.*

Keywords: *forensics, crime detection and investigation, crime investigation methodology, forensic characteristics, crimes related to theft during construction.*

Рецензент: Грузинская Екатерина Игоревна - кандидат юридических наук, доцент, заведующая кафедрой государственных и гражданско-правовых дисциплин Новороссийского института (филиала) АНО ВО «Московский гуманитарно-экономический университет»

The study of the criminological characteristics of a crime is of particular research interest when considering the methodology for investigating crimes of any category, since it is a full-fledged information model that reveals typical methods and traces of the crime, information about the identity of the person who committed it, etc.

The analysis of literary sources made it possible to conclude that the general concept of forensic characteristic and the content of its structural elements is the subject of wide scientific discussions on the part of representatives of the domestic forensic doctrine. The indicated problem was considered in the scientific works of O.Ya. Baev, R.S. Belkin, V.K. Gavlo, I.F. Gerasimova, A.N. Kolesnichenko, I.F. Krylova, S.P. Mitrecheva, V.A. Obratsova, I.F. Panteleeva, v. 4-10; 12-14].

In the educational literature, dissertation and monographic studies, there are many scientific interpretations of the concept of "forensic characterization of crime." In the present study, we will consider only some of them of particular research interest, according to the author.

Thus, the outstanding representative of domestic criminology R.S. Belkin proposed the following version of the definition of the concept of the criminological characteristic of crimes: "the criminalistic characteristic of a crime is an abstract scientific category, the scientific result of a study of a certain kind of criminal activity, a consequence of the generalization of its essential features and features" [2, p. 317].

The definition is of undisputed scientific interest, but does not reveal the practical meaning of the criminological characteristic of crimes.

I. A. Vozgrin proposed a different interpretation of the concept under analysis: "the criminological characterization of crimes is a set of generalized evidence and research conclusions and recommendations based on them, regarding typical criminologically significant signs of crimes, the identification of which makes it possible to organize and carry out a comprehensive, complete, objective and prompt detection and investigation of crimes" [3, p. 68].

The advantage of the defined interpretation of the concept of "criminological characterization of a crime" is that it reveals not only the legal essence of the criminological characterization of crimes, but also its practical significance for the detection and investigation of crimes.

A slightly different approach to the definition of the analyzed concept is given by V.V. Radaev. Thus, the author believes that "the forensic characterization of crimes is a set of information regarding typical elements of the situation of committing crimes of certain categories, forensic links between the indicated elements and the features of the tracking mechanism" [11, p. 13].

The definite advantage of the definition is that it reflects a situational approach to the disclosure and investigation of crimes. However, in our view, the author narrows the contents of the elements of the criminological characteristics of crimes somewhat, highlighting only typical elements of the situation of the commission of a crime and, as a result, excluding such elements as the characteristic of the person who committed the crime and the methods of its commission, which, in our view, is unjustified.

Taking into account the scientific approaches reflected in the national forensic doctrine to the definition of the concept of "forensic characterization of crimes," as well as taking into account the specifics of crimes related to embezzlement during the construction of buildings and structures, it is possible to formulate the author's definition of the concept of "forensic characterization of crimes related to theft during the construction of buildings and structures":

"The forensic characterization of crimes related to embezzlement during the construction of buildings and structures is a scientifically sound applied model for describing general and specific criminologically significant elements of the designated group of crimes, on the basis of which, the officials conducting the proceedings in the case form the initial idea of the mechanism for their commission and concealment, as well as put forward investigative versions."

In our opinion, the most significant structural elements of the forensic characterization of crimes related to embezzlement in the construction of buildings and structures are:

1. information on the method of theft during the construction of buildings and structures (including information on the methods of preparation, commission and concealment of the crime);
2. information on typical traces (material and ideal) of embezzlement committed or committed during the construction of buildings and structures.

It seems that the establishment of the indicated structural elements of the forensic characteristic of crimes related to embezzlement during the construction of buildings and structures is the key to the correct presentation of the investigative version and the prompt conduct of investigative actions aimed at detecting and seizing evidence, minimizing the possibility of their loss.

References

1. Bayev O.Ya. Fundamentals of forensic science: Lecture course. 2nd ed., Redesign. and supplement M.: Publishing house "Exam," 2003. 320 p.
2. Belkin R.S., Averyanova T.V., Korukhov Yu.G., Rossinskaya E.R. Forensics: Textbook. Publishing house "Norma," 2019. 928 p.
3. Vozgrin I.A. Content of forensic crime investigation techniques//Forensic science. T. 3. Forensic techniques. Textbook for universities. In 3 tons St. Petersburg, 2011. 328 p.
4. Gavlo V.K. Methodology for investigating certain types of crimes and forensic characterization//Selected works. Barnaul: Publishing House of Altai University, 2011. pp. 136-139.
5. Gerasimov I.F. Forensic characteristics of crimes in the structure of private methods//Forensic characteristics in the methodology of crime investigation. Sverdlovsk: Ural State University, 1978. pp. 8-10.
6. Kolesnichenko A.N. Scientific and legal foundations of the investigation of certain types of crimes: Autoreferat dis.... Dr. Jurid. sciences. Kharkov, 1967. 42 p.
7. Krylov I.F. Forensic characterization and its place in the system of forensic science and in the university program//Forensic characterization of crimes: sb. науч. тр ./Ed. V.V. Klochkova. M., 1984. pp. 33-36.
8. Mitrechev S.P. Methodology for the investigation of certain types of crimes. M., 1973. 38 p.
9. Sample V.A. The doctrine of the forensic characterization of crimes//Forensic science. M., 1995. pp. 38-51.
10. Panteleev I.F. Forensics: Textbook/Ed. I.F. Panteleev, N.A. Selivanova. M.: Publishing house Jurid. lit., 1993. 592 p.
11. Radaev V.V. Forensic characterization of crimes and its use in investigative practice: Lecture. Volgograd: VSS Ministry of Internal Affairs publishing house USSR, 1987. 23 p.
12. Tanasevich V.G., Obraztsov V.A. On the forensic nature of crimes. In Prince: Issues of the fight against crime. Issue. 25. M., 1976. pp. 99-100.
13. Filippov A.G. Forensics: Textbook for bachelors/A. G. Filippov. 2nd ed., Redesign. and supplement M.: Publishing house "Yurite," 2013. 463 p.
14. Yablokov N.P. Forensics: Textbook. 5th ed. M.: Publishing house "Norm," 2017. 752 p.

GENDER STUDIES

UDC 94(5)

Nochvina B.A., Siluyanova E.A. The paradox of female identity in the Heian period

Парадокс женской идентичности в эпоху Хэйан

Nochvina Bella Anatolyevna,

Candidate of Historical Sciences, Associate Professor of the Department of History and Foreign Regional Studies, Linguistics University of Nizhny Novgorod

Siluyanova Ekaterina Andreevna, a 4th year student of Linguistics University of Nizhny Novgorod

Nizhny Novgorod, Russia

Ночвина Белла Анатольевна,

к.и.н., доцент кафедры истории и зарубежного регионоведения НГЛУ им. Н. А.

Добролюбова, Россия

Силуянова Екатерина Андреевна,

студентка 4 курса

Нижегородский государственный лингвистический университет имени Н. А.

Добролюбова,

Нижний Новгород, Россия

Abstract. *This article is devoted to the process of transformation of the status of women in the Heian period. Nowadays, because of the development of the feminist movement, more and more attention is paid to the study of women's experience and history. This article examines and analyzes the processes that took place in the political sphere, cultural and social fields in the Heian period, which influenced on the change in the women's status in Japan. Special attention is paid to the problem of the paradox of female identity in Japanese society of the designated time, which arose as a result of the strengthening of religious syncretism.*

Keywords: *women's status, Shinto, Buddhism, the Heian period, family law*

Аннотация. *Данная статья посвящена рассмотрению процесса трансформации положения женщин в эпоху Хэйан. Сегодня с развитием феминистического движения все больше уделяется внимание к изучению женского опыта и истории. В данной статье рассмотрены и проанализированы процессы, происходившие в политической, духовной и социальной сфере в эпоху Хэйан, повлиявшие на изменение положения женщины в Японии. Особое внимание уделяется проблеме парадокса женской идентичности в японском обществе обозначенного времени, возникшей в результате укрепления религиозного синкретизма.*

Ключевые слова: *статус женщины, синтоизм, буддизм, эпоха Хэйан, семейное право*

Рецензент: Дудкина Ольга Владимировна, кандидат социологических наук, доцент.
Донской государственный технический университет (ДГТУ), г. Ростов-на-Дону,
Факультет «Сервис и туризм», кафедра «Сервис, туризм и индустрия гостеприимства»

С развитием третьей волны феминизма все чаще стали подниматься вопросы о роли женщины в разных сферах жизни общества. Все активнее и активнее возрастает интерес непосредственно к женскому опыту и взгляду, которому на протяжении всей истории не уделялось должного внимания. Так, в настоящее время многие исследования направлены на переосмысление женского исторического опыта. Исходя из всего вышесказанного, интересно рассмотреть трансформацию положения женщины в эпоху Хэйан и противоречия, возникшие вследствие этого процесса.

Гипотезы о роли женщины в древней Японии строятся на основе духовных верований того времени и древних источниках литературы. Так, в «Нихон сёки» рассказывается о богине солнца Аматерасу, главе пантеона синтоистских богов, которая являлась прародительницей японских императоров. Аматерасу изображается как воплощение совершенства, демонстрирует разум, красоту, плодородие и чистоту. [8, с. 2] Существование мифологии, строящейся вокруг женской фигуры, позволило историкам судить о матриархальной древности в Японии, так как наличие культа богини солнца Аматерасу в прото-синтоизме диктовало уважительное отношение к женщинам до шестого века.

Китайские летописи, датируемые первым веком нашей эры, показывают, что не только существовало разрешение женщинам править, но также это активно поощрялось. Считалось, что именно женщины способны принести мир и порядок в страну, и более того, можно встретить мнение, что женщины целомудренны и не подвержены ревности. Так, в «Записях о трех царствах» III в., в разделе «История династии Вэй» описывается правление «женщины – государя» Химико. Известно, что люди «ва» её безмерно почитали, и когда родственница Химико Тоё заняла трон, она получила огромную поддержку людей.

Этот исторический пример хорошо иллюстрирует темы, которые параллельны в синтоистской мифологии того времени. Можно сказать, что Аматерасу олицетворяется в Химико и Тоё. Об этом писала и Джойс Лебра, известный исследователь по истории Японии и Индии: «Из изображений богинь в мифах и многочисленных женщин-правительниц... Можно предположить, что статус женщин был равный статусу мужчин». [8, с. 7] Однако предпосылки для перехода японского общества к патриархальному типу и появлению культа вождя-мужчины наметились уже на рубеже II и III вв.

Первым ключевым моментом в трансформации статуса женщины в Японии является период Кофун (IV-VI вв.). В это время, в связи с исключением женщин из

широкого круга социально представительских «профессий», таких как воин, охотник и т.п., в обществе произошло углубление социальной дифференциации по гендерному признаку. [4, с. 107] Хотя женщины и продолжали играть значительную роль в обществе, но их статус позиционируется с экономической сферой; что объективно ставило их в зависимое положение от мужчин. Позже это будет обосновано и с позиции морально-духовной, благодаря проникновению новой религии – буддизма.

Буддизм начал проникать в Японию из Китая приблизительно с начала VI в., и именно женщины были первыми людьми в Японии, принявшую новую религию. Считалось, что для достижения просветления не существует никакой разницы между мужчинами и женщинами, при условии, что и те и другие станут монахами. Так, монахини имели статус, равный мужчинам, на протяжении всего периода Нара (710-794 гг.). В это время был также высокий правовой статус женщин, о котором можно судить по своду законов «Тайхо Еро рё». Женщины не платили налогов, не несли повинностей (ст.5), при наследовании даже незамужние получали свою долю (ст.23). Они могли развестись и заключить брак повторно (ст.30). [4, с. 107]

Значительные изменения произошли в эпоху Хэйан. Новые буддийские школы начали вмешиваться в синтоистское восприятие женщины, а также начали влиять на отношение общества в целом. По мнению Дж. Лебры и Дж. Полсон, эта особая форма буддизма, которая ассимилировалась в Японии, была крайне мизогинной. [8, с. 7] У новых буддийских школ было фундаментальное убеждение, что женщины ритуально нечисты. Они также полагали, что женщина не способна достичь просветления. Однако, в некоторых течениях буддизма менее радикально замечалось, что женщина может достичь просветления только в том случае, если она перевоплотится в мужчину. Однако другие течения довольно резко высказывались о женщине, называя ее даже «агентом дьявола». Так, к примеру, сутра Цветочные гирлянды гласила: «Женщины посланцы ада, которые могут уничтожить семена Будды». И чтобы искупить свои грехи, женщине предписывались три послушания: родителям, мужу и сыновьям. Таким образом, буддизм дал первую четко оформленную концепцию гендерной роли женщины, подставив ее в зависимое положение от мужчин. [4, с. 107]

Однако мы можем заметить, что в Хэйан правовой статус и реальное положение женщин стали сильно отличаться. Передвижения женщин строго регламентировались, они должны были практически «невидимы» (выезд за пределы внутренних покоев без позволения мужа или отца наказывался) и «неслышимы» (излишняя разговорчивость

дамы считалась одной из официальных причин развода) [4, с. 107]. Считалось неприемлемым показывать лицо чужим людям, поэтому женщины были вынуждены прятаться от посторонних за ширмой, закрывать лицо веером, а выходя из дома, использовать повозку. Более того, выезжать из дома разрешалось лишь в исключительных случаях: либо в дни самых значительных празднеств, либо для паломничества. И говоря об ухудшающемся положении женщин в Хэйан, хочется обратить внимание на политическую систему и отметить, что если в эпоху Нара из шести правящих императоров трое были женщинами, то в Хэйан из тридцати двух правителей мы не можем найти ни одной женщины. Конфуцианские и буддийские представления о женщинах значительно отразились на реальном их положении в общественно-политической системе Японии данного времени, хотя по кодексу их статус оставался довольно высоким. Это свидетельствует о двойственном положении женщин в указанный период.

В эпоху Хэйан происходят некоторые изменения в брачном институте, которые берут свое начало из эпохи Нара. Так, в ходе огромного влияния китайской культуры на Японию в период Нара на законодательном уровне (кодексы Тайхорё и Ёро) было установлено, что семьи должны формироваться по китайскому образцу. [6] В праве был определен новый статус семьи, основанный на патриархальном укладе и главенства мужа-отца. Соответственно китайским традициям развод был весьма легок и даже в некоторых случаях был необходим. Причинами для развода по канонам конфуцианства считались семь обстоятельств: бездетность жены, её распутное поведение, непослушание родне мужа, распускание сплетен, ревнивость, вороватость, заболевания. Также предписывалось разводиться, если один из супругов пытался избить или убить родственника другого. Со стороны мужа развод выражался в том, что он выдавал жене соответствующую бумагу за подписью. При некоторых обстоятельствах жена не могла покинуть дом мужа, получив разводное письмо: отсутствие иного пристанища, повышение мужа по службе, траур по родителям. При разводе все наличное приданое жены подлежало возврату.

И данные положения, закрепленные в законодательстве, и реальное положение дел создавали парадокс положения женщин в эпоху Хэйан и Нара: зависимое и независимое одновременно. Как отмечает в своей книге «Япония в раннее средневековье» Пасков С.С. [5, с. 78] , на практике сохранялась, несмотря на закон, прежняя форма брака, основанная не на ёмизэри – вхождение жены в дом мужа, а на

дислокальном браке браке цумадои – посещении мужем жены в её доме, который был местом хранения огня в очаге и местом рождения, проживания и воспитания детей. Такой вид брачных отношений возник на этапе разложения первобытнообщинного строя, и он продолжал существовать в придворной сфере также прочно, как и в народной. При цумадоикон единственным отчётливым признаком развода можно было назвать возвращение мужем жене писем, написанных ею. Муж мог этого и не делать этого, тогда брачные отношения прекращались сами собой, когда мужчина начинал посещать другую женщину.

В VII в. появился, и достиг преобладания в Хв., матрилокальный брак сёсэйкон (мукоторикон). В случае такого брака родители невесты выбирали ей жениха, и после свадьбы мужчина переселялся к ним в дом. Женщина сохраняла девичью фамилию, а дети принимали фамилию отца. При матрилокальном браке сын покидал семью и переставал считаться её частью, с родителями оставались дочери и их мужья и дети. Если муж разводился с женой и вступал в новый брак, то его дети оставались в семье матери. Таким образом, братья по отцу не имели прочных родственных связей. Такая ситуация дала толчок для развития системы опекуинства, как способа объединения потомками по мужской линии.

Характер таких брачных отношений объясняет тот факт, что наследование имущества было матрилинейным. Так, женщины в эпоху Хэйан сохраняли свою имущественную самостоятельность. Также им было позволено получать определенное образование, при дворе существовал обширный штат рангов, званий и должностей. Однако, в отличие от более раннего периода Нара, женщины перестали занимать императорский трон. Так как укрепление патрилинейных связей в процессе феодальных отношений к ограничению имущественных прав женщин, а вместе с тем и их социальные возможности.

В эпоху Хэйан складывание феодальной системы привело к укреплению позиции новой формы брака – патрилокального ёмэторикон. Наследуя должность отца, сын феодала унаследовал и его вотчинные права, что приводило к усилению патрилинейных связей. Переход к новой форме брака происходил постепенно. Так, в качестве такой промежуточной стадии возникла новая форма брака – кэйэйсё мукоторикон. При нем родители жены, не желая дробить своё домашнее имущество между наследниками, поселяли супругов в отдельном доме. И при этом еще сохранялся матрилинейный характер наследования и подчеркивался тем, что дом назвался по имени жены, отец

передавал дом дочери, а не сыну и тем, что к мужу переходило название дома жены в качестве второй фамилии (при нескольких замужествах подряд нередко все мужья таким способом получали одинаковое фамилии).

В целом мы можем видеть, что в эпоху Нара и Хэйан семейное законодательство не отвечало реалиям эпох. Существовали разные виды брака, всех их объединял матрилинейный характер наследования, однако уже в эпохе Хэйан намечается переход к патрилинейному наследованию из-за развития поземельных отношений.

Возвращаясь к теме ухудшения положение женщин в обществе, отметим, что данный процесс привел к изоляции женщин от получения должного образования. Категорически нежелательным становится изучение китайского языка и литературы (что для мужчин было обязательным и считалось мерилом образованности). Конечно, это дало определенный толчок для развития именно японской женской литературы. Создаются такие великие произведения как «Повесть о Гэндзи» Мурасаки Сикибу, «Записки у изголовья» Сэй Сёнагон и другие. Во многом благодаря женщинам эпохи Хэйан, Хэйан признан «золотым веком» для японской словесности.

Многие историки утверждают, что сложно определить роль женщин в древней Японии из-за отсутствия ресурсов для изучения, которые бы относились к низшему сословию. [7] К сожалению, огромным недостатком в изучении роли женщины в эпоху Хэйан является ограниченное количество данных о положении низшего сословия в то время. Большинство дневниковых записей и литературных произведений принадлежат аристократам, поэтому мы можем говорить лишь в основном о положении придворных дам в обществе эпохи Хэйан.

Таким образом, огромную роль в изменении положения женщин в эпоху Хэйан и возникшем, в результате, противоречивом статусе сыграло распространение буддизма. Так распространение новых школ буддизма с мизогинными представлениями столкнулось с прото-синтоизмом, в котором существовал культ богини Аматаэрасу, требующий уважение к женщинам и ставящий женщин на один и тот же уровень с мужчинами. Обе религии были гармоничны на практике, но одновременно с этим создали настоящий парадокс для женской идентичности. С одной стороны по своду законов «Тайхо Еро рё» женщины обладали довольно высоким правовым статусом, но вместе с тем их реальное положение стремительно ухудшалось: отстранение от политической сферы, физические ограничения, ограничения на образование, уход от матрилинейного наследования и активное формирование патрилинейных связей в

процессе феодальных отношений. С другой стороны, несмотря на все негативные процессы, происходившие в обществе, хэйанские женщины в своем заточении обрели свободу в литературном творчестве, оставив после себя огромное и бесценное культурное наследие.

References

1. Горегляд В.Н. Классическая культура Японии: Очерки духовной жизни. - Спб.: Петербургское Востоковедение, 2006. – 351 с.
2. Грачев М.В. (сост.) Япония в эпоху Хэйан (794-1185). Хрестоматия. М., РГГУ, 2009. – 435 с.
3. Стрельцов Д.В. (ред.) История Японии. Учебник. — Коллектив авторов. — 2-е изд., испр. и доп. — М.: Аспект Пресс, 2018. – 560 с.
4. Суханова Н.Н. Социальный статус женщины в Японии: вехи истории. //Известия Иркутского государственного университета. Серия: "История" N. 2 (5) /2013, Иркутск. - С. 106 – 112
5. Пасков С.С. Япония в раннее Средневековье. VII-XII века: исторические очерки. - Изд. 2-е. - Москва : Книжный дом "ЛИБРОКОМ", 2011. – 194 с.
6. Тайхорё /Пер. К.А. Попова // Свод законов «Тайхорё». 702–718 гг. I–XV законы. М.: Наука, 1985. - [Электронный ресурс]. URL.: http://www.vostlit.info/Texts/Dokumenty/Japan/VIII/700A720/Tajhore_I/frameset8.htm (дата обращения 14.04.2020)
7. Hooker, Richard, Women and Women's Communities in Ancient Japan, Washington State University. - [Электронный ресурс]//<http://www.inquiriesjournal.com/articles/286/women-in-ancient-japan-from-matriarchal-antiquity-to-acquiescent-confinement> (дата обращения 28.03.2020)
8. Joyce Lebra, Joy Paulson, Elizabeth Powers. Women in Changing Japan,- Boulder: Westview Press, 1976. – 322 p.

SURVEYING AND LAND ECONOMY

UDC 631

Korotko E., Abramova A.A., Ivanitsky D.K., Zakharyan A.V.
Natural resources

Природные ресурсы

Korotko Elizaveta Stanislavna, Abramova Alina Andreevna,
students Faculty of Finance and Credit

Ivanitsky Dmitry Konstantinovich,

Candidate of Economic Sciences, Associate Professor, KUBGAU

Zakharyan Angelina Valerievna,

Candidate of Economic Sciences, Associate Professor of KUBGAU,

Kuban State Agrarian University named I. T. Trubilina

Коротко Елизавета Станиславна, Абрамова Алина Андреевна,

студентки 1 курса, факультет «Финансы и кредит»

Иваницкий Дмитрий Константинович,

кандидат экономических наук, доцент КУБГАУ

Захарян Ангелина Валерьевна ,

кандидат экономических наук, доцент КУБГАУ

Кубанский государственный аграрный университет им. И. Т. Трубилина

Abstract. This article examines the essence of natural resources, their data, importance in the world, usefulness, and location. The problems on which the preservation and formation of domestic production depend, the ways and means of solving natural resources are given. The tasks of national importance, the use of potentials for the future, as well as how many resources have been discovered and explored at the moment are described.

Keywords: Natural resources, land, use, people minerals.

Аннотация. В данной статье рассматривается сущность природных ресурсов, их данные, значимость в мире, полезность, а также местоположение. Приведены проблемы, от которых зависит сохранение и формирование отечественной добычи, пути и способы решения природных ресурсов. Описаны задачи государственной значимости, применение потенциалов для будущего, а также сколько на данный момент открыто и разведано ресурсов.

Ключевые слова: Природные ресурсы, земля, пользование, люди, полезные ископаемые.

Рецензент: Дудкина Ольга Владимировна, кандидат социологических наук, доцент. Донской государственный технический университет (ДГТУ), г. Ростов-на-Дону, Факультет «Сервис и туризм», кафедра «Сервис, туризм и индустрия гостеприимства»

Экономические резервы представляют собой существующие у общества возможности для формирования удобств и удовлетворения нужд, то есть определяют начальную и главную предпосылку финансовой работы людей. Они выступают в определенных формах, например, человеческие, либо трудовые, природные, ресурсы денежных средств, материальные ресурсы, накопленные предыдущими поколениями для производственной работы и потребления, а также информационные ресурсы. Современная финансовая концепция позиционирует природные резервы как вид экономического ресурса, требуемого для непрерывного удовлетворения общественных потребностей [1].

Природные ресурсы — комплекс объектов и систем активной и безжизненной природы, элементы естественной среды, находящийся вокруг человека и применяемые им в ходе социального производства для удовлетворения материальных и культурных потребностей человека и общества [2].

Согласно экономической типологии природные ресурсы делятся на [3]:

1) ресурсы материального производства в том числе промышленности и сельского хозяйства (топливо, металлы, растения, почва);

2) ресурсы непроизводственной сферы, в том числе прямого потребления (питьевая вода, дикорастущие растения и т. д.) и косвенного потребления.

Взаимодействия человека с природой - проблема постоянная и в то же время современная: общество связано своим происхождением с природным окружением, существованием и будущим. Человек как компонент природы считается составляющей сложной системы.

Природные ресурсы в своей совокупности составляют значимый фактор общественного производства, который в финансовой концепции обуславливается единым понятием земля. Без природных ресурсов немислим процесс изготовления. Так например, минеральные ресурсы формируют в мировой экономике основу для изготовления промышленной продукции. Изменения в добыче и потреблении сырья в международной торговле оказывают большое влияние не только на финансовую ситуацию в отдельных странах и регионах, но и имеют глобальный характер. В большинстве стран с сформированной рыночной экономикой природных ресурсов потребляется больше, чем они их имеют. Отсутствующие средства ввозят преимущественно из развивающихся государств. В силу этого большие сырьевые потоки перемещаются в три ключевых центра их переработки: Северную Америку,

Западную Европу, Восточную и Юго-Восточную Азию. Такое положение дел порождает две проблемы: взаимозависимость развитых государств от поставок сырья и сырьевую ориентацию вывоза многих развивающихся стран. Таким образом, неравномерность размещения минеральных ресурсов в недрах Земли а также различная обеспеченность стран земельными и лесными ресурсами способствуют формированию международного разделения труда и на этой основе — международных финансовых отношений [4].

Задача государственной значимости для Российской Федерации состоит сейчас в том, чтобы сформировать и осуществить новую концепцию применения природных ресурсов в соответствии с общей идеологией и целями России.

Наиболее многообещающим является применение природно-ресурсного потенциала в качестве первоначального импульса для будущего финансового формирования государства уже на базе иной движущей силы – преимущественно интеллектуального, научно-технического характера [5].

Современный этап формирования общества значительно поменял условия существования разных стран – ресурсные экологические, социальные. Особенно ужесточились требования и обозначилась общая дефицитность природных ресурсов при классическом способе применения. Ведущей причиной этого считается стремительный рост всех компонентов глобальной финансовой системы: численности жителей; промышленного производства и изготовления товаров питания; потребления всех видов ресурсов; загрязнения окружающей среды.

В РФ открыто и разведано около 20 тыс. месторождений полезных ископаемых. России находится на первом месте в мире по запасам природных ресурсов, в том числе по запасам природного газа, каменного угля, железных руд, ряда цветных и редких металлов, торфа, а также занимает ведущее место по запасам земельных, водных и лесных ресурсов. [6].

Главными проблемами, от которых непосредственно зависит сохранение и формирование отечественной добычи, считаются: Острый дефицит отдельных типов минерального сырья; Нерентабельность освоения существенного числа месторождений; Неконкурентоспособность многих российских месторождений; Низкая обеспеченность разведанными запасами; Плохое географическое размещение месторождений; Низкие темпы подготовки новых месторождений; Недостаточная комплексность в применении минерального сырья; Недостаточные размеры инвестиций в геологическое изучение

недр Для решения перечисленных вопросов необходимо использование новых ресурсосберегающих технологий в сфердобычи и переработки минерального сырья.

Таким образом, природные ресурсы- это природная основа, базируясь на которую формируется производство страны. Все большекомпонентов природы превращаются в природные ресурсы. Общество не может отказаться от использования естественных богатств. Они всегда считались и будут являться материальной базой производства значение которого и состоит в преобразовании разных природных ресурсов в потребительские блага. В настоящее время цивилизация испытывает ответственный период своего существования, когда приходит понимание того, что удовлетворение многочисленных запросов современного человека входит в сильный конфликт с природной необходимостью – сохранением здоровой среды обитания.

Удачное разрешение перечисленных проблем требует достаточно длительного времени и крайне значительных расходов. Оно позволит придать российскому природопользованию рациональный сбалансированный характер и обеспечить надежную ресурсно-сырьевую основу динамичного социально-экономического формирования страны в XXI веке.

References

1. Алаев Э.Б. Социально экономическая география понятийно-терминологический словарь. М.: Мысль, 2007. с.350
2. Арустамов Э.А. Природопользование: Учебник 5-е изд., перераб. И доп - М.: Издательско-торговая корпорация «Дашков и Ко», 2012 - с.312
3. Гирусов Э.В. Экология и экоеомика природопользования. М.: ЮНИТИ, 2013. С. 455.
4. Нереточенкова О.У. Некоторые виды оценки природно-ресурсного потенциала (обзор теоретических взглядов) Регионализм и централизм в территориальной организации общества и регионального развития. Сборник трудов под ред. Ю.Г. Липеца М.: ИГ РАН, 2008. С. 213-215.
5. Хаустов А.П., Редина М.М. Экономика природопользования: диагностика и отчётность предприятий: Учеб. пособие. - М.: Издво, РУДН, 2011 - с.216

6. Захарян А.В. ОСНОВНЫЕ ПРОБЛЕМЫ РАЗВИТИЯ СЕЛЬСКОХОЗЯЙСТВЕННОГО СЕКТОРА ЭКОНОМИКИ РОССИИ. 2019. № 10 (38). С. 116-120.

7. Захарян А.В. ФИНАНСОВАЯ ПОЛИТИКА РОССИИ НА СОВРЕМЕННОМ ЭТАПЕ - "ОРУДИЕ" РЕАЛИЗАЦИИ ПОЛИТИКИ ГОСУДАРСТВА ИЛИ "ПРОБЛЕМА" ФИНАНСОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ ЭКОНОМИКИ/Захарян А.В., Неводова И.А., Кумпилов Н.Т., Назаретян К.А., Сальков Д.А.//Экономика и предпринимательство. 2018. № 11 (100). С. 145-148.

8. Захарян А.В. ЦИФРОВАЯ ЭКОНОМИКА И ПЕРСПЕКТИВЫ ЕЕ РОСТА НА 2018-2020 ГОДА/Захарян А.В., Померко Е.С., Негодова., Аристова С.А.//Экономика и предпринимательство. 2018. № 5 (94). С. 169-173.

TECHNOLOGY, ENGINEERING

UDC 004

Nikin V.V., Garina S.V. Overview of methods and tools for evaluating the quality of frames in video file

Обзор методов и средств оценки качества кадров в видео-файле

Nikin Valentin Vladimirovich

Master's student, Mordovian State University named after N.P. Ogarev

Garina Svetlana Vladimirovna

Ph.D., Associate Professor, Department of Fundamental Informatics,
Mordovian State University named after N.P. Ogareva

Никин Валентин Владимирович
Студент магистратуры,

Мордовский Государственный Университет имени Н.П. Огарева
Гарина Светлана Владимировна

Кандидат технических наук, доцент кафедры фундаментальной информатики,
Мордовский Государственный Университет имени Н.П. Огарева

Abstract. This article provides an overview of innovative developments and technologies used to assess video quality. Objective and subjective assessment methods are described. Objective methods include PSNR, SSIM, VMAF and others. A comparison of these methods is given.

Keywords: PSNR, SSIM, VMAF, video quality, codecs, algorithms, subjective methods.

Аннотация. В статье представлен обзор инновационных разработок и технологий, используемых для оценки качества видео. Описаны объективные и субъективные методы оценки. Объективные методы включают PSNR, SSIM, VMAF и другие. Приведено сравнение этих методов.

Ключевые слова: PSNR, SSIM, VMAF, кодеки, алгоритмы, субъективные методы.

Рецензент: Сагитов Рамиль Фаргатович, кандидат технических наук, доцент, заместитель директора по научной работе в ООО «Научно-исследовательский и проектный институт экологических проблем», г. Оренбург

В современном мире, мире информационных технологий, большое влияние на жизнь человека оказывают технологии, связанные с созданием, обработкой и представлением видеосигнала. Каждый день миллиарды людей смотрят телевизоры, фильмы в кинотеатрах, просматривают тысячи видео с youtube и других сервисов.

Сегодня мы можем в реальном времени присутствовать на событии, которое происходит на другом конце земли. И все это доступно нам благодаря развитию видеотехнологий.

Над созданием и совершенствованием технологий передачи видеоинформации трудятся тысячи больших компаний и миллионы энтузиастов по всему миру. Одной из главных целей, которую они перед собой ставят, является снижение размера информации, передаваемой по каналам связи, с сохранением качества контента. Для этого разрабатываются сложные алгоритмы сжатия, которые в разы уменьшают передаваемые данные, но вот с сохранением качества у таких алгоритмов бывают определенные проблемы.

В процессе сжатия часть информации может теряться, и при отображении на мониторе потребителя появляются различные артефакты. Компании, которые занимаются производством и поставкой видеоконтента, дорожат своей репутацией, поэтому для них важно предотвращать такие инциденты и не допускать бракованный контент до потребителя. Самым надежным способом является просмотр всего выпускаемого или получаемого контента людьми. Но такой способ очень дорогостоящий, и, как и везде, здесь присутствует человеческий фактор. На человека во время просмотра влияет множество различных факторов, таких как время проведения тестирования, место тестирования, и даже время года. Поэтому, компании зачастую отказываются от данного способа, в пользу оценки контента компьютерами, с помощью специальных алгоритмов. Разработка таких алгоритмов является очень важной составляющей в процессе производства видеоконтента. Поэтому данная тема является очень актуальной в данный период времени, и в реализации новых алгоритмов оценки качества заинтересовано множество компаний.

Цели и задачи:

- Провести сравнение методов и средств по оценке качества видеоконтента.
- Провести сравнение объективных алгоритмов оценки качества кадров.
- Рассмотреть субъективный метод оценки качества.
- Сделать вывод о том, какой алгоритм лучше всего работает.

Методы оценки качества видеоконтента

Проблемы возникающие при оценке качества работы кодеков

В научных статьях и на просторах интернета достаточно часто встречаются сравнения кодеков. Не редко, авторы проводимых сравнений, забывают о некоторых очень важных факторах:

- кодеки проектируются и настраиваются только под определенный тип фильма;
- кодеки, для разных кадров одного видеоролика, могут давать разное качество итоговой картинки;
- качество материала, полученного после сжатия сильно зависит от настроек с которыми осуществлялось кодирование.

Существует множество других, более тонких способов получения как реального преимущества, так и псевдо-преимущества. Но даже исходя из этих трех факторов можно сделать вывод, чтобы провести качественную оценку работы кодеков, необходимо проведение объемного тестирования:

- сравнение разных по характеру фильмов с разными настройками битрейта;
- сравнение характеристик качества, с использованием различных объективных и субъективных методов оценки.

Объективные способы оценки качества видеоконтента

Объективные методы измерений – это математические модели, которые с достаточно хорошей точностью могут моделировать результаты субъективной оценки качества, они основаны на критериях и метриках, которые могут быть измерены объективно. К объективным способам оценки относятся следующие алгоритмы: PSNR, SSIM, VQM, VMAF и др. Далее будут рассмотрены некоторые из них.

PSNR (Peak signal-to-noise ratio – пиковое отношение сигнала к шуму)

PSNR – метрика, обозначает соотношение между максимумом возможного значения сигнала и мощностью шума, который искажает значения сигнала. Так как многие сигналы имеют широкий динамический диапазон, PSNR обычно измеряется в логарифмической шкале в децибелах. Метрика PSNR чаще всего используется для измерения уровня искажений при сжатии изображений. Наиболее просто метрика PSNR высчитывается через среднюю квадратичную ошибку или показателя MSE [5].

Метрику PSNR можно посчитать по следующей формуле:

$$PSNR = 10 \log_{10} \left(\frac{MAX_I^2}{MSE} \right) = 20 \log_{10} \left(\frac{MAX_I}{\sqrt{MSE}} \right)$$

где $MSE = \frac{1}{mn} \sum_{i=0}^{m-1} \sum_{j=0}^{n-1} |I(i,j) - j(i,j)|^2$ – среднее квадратическое различие между оцененными значениями и фактическим значением, MAX_i — максимальное значение, которое может принимать пиксель изображения. Например, если пиксель имеет разрядность 8 бит, то MAX_i будет равно 255. Если обобщить, то в случае, если значения сигнала представлены линейно (B бит на значение), то значение MAX_i будет 2^B-1 .

Чем больше разница между сравниваемыми изображениями, тем больше значение метрики [4][5].

В случае, если мы работаем с RGB изображениями, то можно применить такое же определение PSNR, основное различие будет заключаться в том, что метрика MSE должна считаться по всем 3 компонентам, после чего ее необходимо поделить на утроенный размер изображения.

Данную метрику используют во многих научных статьях и сравнениях в качестве меры потерь качества, поэтому она очень популярна. Главным минусом данной метрики является то, что метод несовместим с физиологией человеческого восприятия.

SSIM (Structure similarity)

SSIM – метрика структурного сходства. Является альтернативой PSNR, которая может коррелировать с ощущаемым качеством сжатого изображения [7]. Данный метод является развитием традиционных методов (PSNR и MSE), которые оказались несовместимы с физиологией человеческого восприятия. Благодаря учёту структурного изменения информации, метод учитывает «восприятие ошибки», это является отличительной особенностью метода. Пиксели имеют сильную взаимосвязь, особенно когда они близки пространственно, и эти зависимости несут важную информацию о структуре объектов и о сцене в целом. Ниже, представлена формула подсчета метрики SSIM (для окон x и y с одинаковым размером $N \times M$):

$$SSIM(x,y) = \frac{(2\mu_x\mu_y + c_1)(2\sigma_{xy} + c_2)}{(\mu_x^2 + \mu_y^2 + c_1)(\sigma_x^2 + \sigma_y^2 + c_2)}$$

Оценка качества происходит по яркостной компоненте изображения. Значение, полученное на выходе, находится в пределах от -1 до $+1$. Значение $+1$ возможно только в случае полного совпадения анализируемых окон. Оптимальный размер окна 8×8 пикселей [6].

VMAF (Video Multimethod Assessment Fusion)

VMAF – это объективная метрика оценки качества видео, разработанная компанией Netflix в сотрудничестве с Университетом Южной Калифорнии и лабораторией видео – и графической инженерии Техасского университета в Остине. Она предсказывает субъективное качество видео на основе эталонной и искаженной видеопоследовательности. Метрику можно использовать для оценки качества различных видеокодеков, кодеров, настроек кодирования или вариантов передачи.

Для разработки алгоритма VMAF использовалась модель машинного обучения, основанная на разработке метрики, которая стремится отразить человеческое восприятие качества видео. За основу был взят такой факт, что каждая элементарная метрика может иметь свои сильные и слабые стороны в отношении характеристик исходного содержимого. Элементарные метрики были объединены в одну конечную метрику, с помощью алгоритма машинного обучения. В данном случае был использован метод Support Vector Machine (SVM) regressor, который присваивает веса каждой элементарной метрике. За счет этого конечная метрика может сохранить все сильные стороны отдельных метрик, и обеспечивать более точную итоговую оценку.

Модель обучалась и тестировалась на собственном наборе данных Netflix (NFLX Video Dataset).

VMAF состоит из набора существующих показателей качества изображения и некоторых других функций для прогнозирования качества видео:

- 1. VIF – визуальная точность информации, учитывает потерю точности информации в четырех различных пространственных масштабах.*
- 2. DLM – метрика потери деталей, измеряет потерю деталей и ухудшения, которые отвлекают внимание зрителя.*
- 3. MCPD – средняя совместно расположенная разница пикселей, измеряет временную разницу между кадрами на компоненте яркости.*
- 4. AN-SNR – противозумное отношение сигнал-шум.*

Эти функции объединяются с помощью регрессии на основе SVM, обеспечивая один выходной балл в диапазоне 0-100 на кадр видео, значение 100 является качеством эталонного видео. Затем эти оценки временно объединяются по всей видеопоследовательности, используя среднее арифметическое, чтобы обеспечить общий дифференциальный средний балл мнения (DMOS).

Данная метрика является одной из самых точных на данный момент. Она лучше всего соответствует результатам субъективного тестирования, о котором пойдет речь дальше.

Главное достоинство объективного подхода – это возможность автоматизировать процесс тестирования, что позволяет измерить качество работы какого-либо кодека, при различных сценариях, таких как разная конфигурация настроек кодека, разные типы фильмов. Также в результате тестирования с использованием объективного подхода, мы получаем точные и четко воспроизводимые данные. Но у данного подхода есть и свои минусы. И самый главный минус – это то, что автоматические метрики PSNR, MSE, SSIM не во всех случаях могут корректно отражать субъективно воспринимаемое качество (за исключением VMAF, который дает достаточно хорошие результаты). Этот минус обычно приводит к неправильному выводу о превосходстве одного кодека над другим. Для таких сценариев существует альтернативный способ – *субъективное тестирование* [3][8].

Субъективные методы оценки качества видеоконтента

При субъективном методе тестирования итоговая оценка результата кодирования получается непосредственно от зрителя (приглашенные эксперты).

Для проведения субъективного тестирования нужны дополнительные ресурсы:

- Выборка видеопоследовательностей. Для того чтобы предотвратить рассеивание внимания экспертов, и снизить время на проведение экспериментов, выбираются короткие видео-фрагменты длительностью 8-10 секунд.

- Метод тестирования.

- Эксперты, которые будут проводить оценки. Необходимо не менее 15 экспертов.

- Выборка кодеков, и их настроек, которые планируется сравнивать

Проведение субъективного тестирования можно разделить на следующие этапы:

- Идентификация эксперта (ввод имени в систему тестирования).
- Оценка цветовосприятия эксперта (используются таблицы Ишихары).
- Оценка тестируемых фрагментов (просмотр исходного ролика, просмотр кодированных роликов, выставление оценок).

Результат субъективного тестирования может искажаться за счет следующих факторов:

- расстояние до монитора;

- профессия эксперта;
- пол эксперта;
- время проведения испытания

Путем усреднения оценок, получается итоговый результат - MOS (Mean Opinion Score) [7].

Из минусов субъективного тестирования можно отметить высокую стоимость, в сравнении с объективными методами, а также невозможность четкого воспроизведения данных, то есть если провести тестирование на этих данных еще раз, то результаты могут в корне отличаться от первоначальных. Но, если при проведении сравнения, учесть эти факторы, субъективное тестирование может дать надежные и ценные результаты. Из этого можно сделать вывод, что субъективный метод оценки, хотя и имеет свои минусы, является единственным способом оценить реальное качество кодирования.

Заключение

Процесс оценки качества видеоконтента очень важен в современных реалиях телевидения. Во всех компаниях, производящих видеоконтент, есть свои подразделения, в которых выполняется оценка качества производимого материала, как объективными, так и субъективными методами.

Субъективный метод тестирования бесспорно точнее объективных методов, но он и в разы дороже, а кроме того, не имеет 100% - воспроизводимости результатов. Поэтому компании стремятся использовать объективные методы.

Алгоритмы SSIM и PSNR являются одними из самых распространенных алгоритмов, используемых в качестве меры оценки потери качества при кодировании материала. Самый главный минус данных методов заключается в том, что они не могут оценить, субъективное восприятие видеоконтента человеком. В некоторых случаях, они могут давать хорошие результаты, а в некоторых нет. Здесь им на помощь приходит алгоритм VMAF. Его преимущество заключается в том, что он обучен нейросетью, на основе комбинации различных объективных метрик. Тем самым он показывает хорошие результаты на разном типе контента, и может давать оценку, приближенную к субъективному восприятию контента человеком.

References

- 1 Zhi Li, Anne Aaron, Ioannis Katsavounidis, Anush Moorthy and Megha Manohara. Toward A Practical Perceptual Video Quality Metric [Электронный ресурс]. URL <https://medium.com/netflix-techblog/toward-a-practical-perceptual-video-quality-metric-653f208b9652>
- 2 Zhi Li, Christos Bampis, Julie Novak, Anne Aaron, Kyle Swanson, Anush Moorthy and Jan De Cock. VMAF: The Journey Continues [Электронный ресурс]. URL <https://medium.com/netflix-techblog/vmaf-the-journey-continues-44b51ee9ed12>
- 3 Александр Паршин, Олег Петров. Субъективное сравнение современных видеокодеков [Электронный ресурс]. [compression.ru](http://www.compression.ru) – все о сжатии данных, изображений и видео. URL http://www.compression.ru/video/codec_comparison/subjective_codecs_comparison.html?utm_source=ixbtcom
- 4 Сергей Гришин, Дмитрий Ватолин. Сравнение видеокодеков при помощи метрики PSNR [Электронный ресурс]. URL <https://www.ixbt.com/divideo/codex-psnr.shtml>
- 5 Peak signal-to-noise ratio [Электронный ресурс]. URL https://en.wikipedia.org/wiki/Peak_signal-to-noise_ratio
- 6 Structural similarity [Электронный ресурс]. URL https://en.wikipedia.org/wiki/Structural_similarity
- 7 Mean opinion score [Электронный ресурс]. URL https://en.wikipedia.org/wiki/Mean_opinion_score
- 8 Оценка качества видео. Субъективная оценка качества видео [Электронный ресурс]. URL <https://www.ixbt.com/divideo/estimate1.shtml>

UDC 004

Snitsar L.R., Snitsar D.V. Structure of the enterprise's information technology support. The concept of information technology

Структура информационно-технического обеспечения предприятия.
Понятие об информационных технологиях

Snitsar Ludmila.R.

PhD in Technical Sciences, lecturer
A.N. Kosygin Russian State University (Technology. Design. Art)

Snitsar D.V.

Сницар Людмила Раймантовна, преподаватель, РГУ
им. А. Н. Косыгина (Технологии. Дизайн. Искусство)
Сницар Денис Валерьевич

***Abstract.** This publication is devoted to the actual problem of using information technologies. The role and place of it infrastructure in ensuring the effective functioning of industrial enterprises are determined.*

***Keywords:** It technologies, software, processing, transmission and storage of information.*

***Аннотация.** Данная публикация посвящена актуальной проблеме использования информационных технологий. Определены роль и место ИТ-инфраструктуры в обеспечении эффективного функционирования промышленных предприятий.*

***Ключевые слова:** ИТ-технологии, программное обеспечение, обработка, передача и хранение информации.*

Рецензент: Сагитов Рамиль Фаргатович, кандидат технических наук, доцент,
заместитель директора по научной работе в ООО «Научно-исследовательский и
проектный институт экологических проблем», г. Оренбург

Информационные технологии (ИТ) - система методов и средств сбора, хранения, поиска, обработки, анализа, выдачи данных, информации и знаний на основе использования аппаратных и программных средств в соответствии с требованиями пользователей.

Целью любой информационной технологии является получение необходимой информации требуемого качества на данном носителе. Информационные технологии состоят из трех основных компонентов:

- комплекс технических средств - вычислительное, телекоммуникационное и организационное оборудование;
- программные системы - общее (системное) и функциональное (прикладное) программное обеспечение;

- систем организационно-методического обеспечения.

Система представляет собой совокупность взаимосвязанных элементов, образующих единое целое и функционирующих вместе для достижения одной цели [1].

Элементы любой системы находятся в постоянном взаимодействии между собой и с окружающей средой, что приводит к постепенному изменению состояния элементов. Такое изменение типично для любой системы. Если в результате этих изменений система принимает условие, которое не соответствует установленному и не удовлетворяет предъявляемым к ней требованиям, возникает необходимость в управлении системой - целенаправленном воздействии на ее элементы. Процесс контроля состоит из следующих этапов:

- внешняя среда и объект управления информируют систему управления об их состоянии;
- система управления анализирует полученную информацию, разрабатывает управляющие воздействия на объект управления, реагирует на нарушения окружающей среды и, при необходимости, изменяет структуру всей системы и даже ее назначение.

Объект управления предназначен для разработки информационных воздействий на основе собранной информации и их передачи управляющим объектам. Фактически объект управления представляет собой административное устройство системы.

Объектом контроля является непосредственный исполнитель, предоставляющий информацию о своем состоянии и состоянии окружающей среды, восприятие информационных воздействий со стороны руководителя объекта и осуществление контрольных действий на основании полученной информации. Система управления представляет собой совокупность объектов управления, объекта управления и каналов прямой и обратной связи между ними.

Информационные технологии обладают следующими отличительными особенностями, знания и использование которых чрезвычайно важны для жизни и развития общества - позволяют активизировать и эффективно использовать информационные ресурсы общества, которые сегодня являются важнейшим стратегическим фактором его развития. Интенсификация, распространение и эффективное использование информационных ресурсов (научных знаний, открытий, изобретений, технологий, передового опыта) позволяют добиться значительной экономии других видов ресурсов: сырья, энергии, материалов и оборудования, трудовых ресурсов, социального времени; позволяют оптимизировать и автоматизировать информационные процессы, занимающие важное место в жизни общества. [2].

Человечество переживает этап становления информационного общества, в котором объектами и результатами работы большинства населения становятся не материальные ценности, а информация и научные знания. В развитых странах большинство занятого населения в той или иной степени связано с подготовкой, хранением, обработкой и передачей информации, в результате чего приходится осваивать и практически использовать информационные технологии, соответствующие этим процессам.

Информационные процессы являются важнейшим элементом комплексного производства или социальных изменений, и информационные технологии часто являются компонентами соответствующих производственных или социальных технологий и обычно включают в себя наиболее важные, "интеллектуальные" функции этих технологий [3].

Важнейшее значение ИТ- технологии имеют для взаимодействия людей, а также для подготовки и распространения информационных систем средств информации. Наряду с традиционными средствами связи (телефон, радио, телевидение) в социальной сфере расширяется использование электронных телекоммуникационных систем: электронной почты, факса и других видов связи. Эти средства находят новых приверженцев в современном обществе, поскольку они не только создают большое удобство, но и устраняют многие промышленные, социальные и бытовые проблемы, обусловленные процессами глобализации и интеграции мирового сообщества, расширением внутренних и международных экономических и культурных связей, миграцией населения и его все более динамичным движением вокруг планеты.

Информационные технологии играют центральную роль в развитии системы образования и культуры общества. Почти во всех развитых и многих развивающихся странах компьютерная и телевизионная техника, учебные программы на оптических дисках и мультимедийные технологии становятся привычными атрибутами не только высших учебных заведений, но и обычных школ системы начального и среднего образования. Использование информационных технологий обучения также оказалось весьма эффективным в системе самообразования, непрерывного образования, а также в системах повышения квалификации и переподготовки кадров.

ИТ- технологии играют ключевую роль в процессах приобретения и накопления новых знаний. На смену традиционным методам информационного обеспечения научных исследований (накопление, классификация и распространение научно-технической информации) приходят новые методы, основанные на использовании новых возможностей информационного обеспечения фундаментальной и прикладной науки. Современные информационные технологии основаны на теории искусственного

интеллекта, методах информационного моделирования, когнитивной компьютерной графике, позволяющей находить решения слабо формализованным проблемам, а также проблемам с неполной информацией и нечеткими исходными данными.

Принципиально важным для современного этапа развития общества является тот факт, что использование и активное развитие информационных технологий может внести значительный вклад в решение глобальных проблем человечества и, прежде всего, проблем, связанных с необходимостью преодоления глобального кризиса цивилизации, переживаемого мировым сообществом. Методы информационного моделирования глобальных процессов, особенно в сочетании с методами мониторинга космической информации, могут дать возможность прогнозировать многие кризисные ситуации в регионах повышенной социальной и политической напряженности, а также в районах экологических катастроф, в местах стихийных бедствий и крупных технологических аварий, представляющих большой риск для общества [4].

References

1. Сницар Д.В., Костылева В.В. «Безопасность сетевой инфраструктуры как основа ИТ-обеспечения предприятий лёгкой промышленности» // Инновационное развитие легкой и текстильной промышленности: сборник материалов Международной научной студенческой конференции. Часть 3 – Москва.: ФГБОУ ВО «РГУ им. А.Н. Косыгина», 2019. – 116 с.
2. Сницар Д.В., Киселев С.Ю. Выпускная квалификационная работа магистра «Информационно-техническое обеспечение современного предприятия легкой промышленности». Москва, РГУ им. А.Н. Косыгина», 2019. – 75 с.
3. Организация ИТ-инфраструктуры - [электронный ресурс] режим доступа: <http://www.azone-it.ru/organizaciya-it-infrastruktury> - дата обращения 20.10.20.
4. Повышение эффективности функционирования промышленных предприятий с развитой информационной инфраструктурой– [электронный ресурс] режим доступа: <http://economy-lib.com/povyshenie-effektivnosti-funktsionirovaniya-promyshlennyh-predpriyatij-s-razvitoy-informatsionnoy-infrastrukturoy> - дата обращения 20.10.20.

UDC 69

Zaripova I.Sh. Modern trends in the design and construction of sports facilities

Современные тенденции в проектировании и строительстве спортивных сооружений

Zaripova Indira Shamilovna,

Master's degree at TIU, Institute of Service and Sectoral Management, Department of Economics in Construction, Investment Design and Estimated Pricing in Construction

Зарипова Индира Шамиловна,

магистр ТИУ, Институт сервиса и отраслевого управления, кафедра "Экономика в строительстве", Инвестиционное проектирование и сметное ценообразование в строительстве

Abstract. *In the construction of sports facilities, in the current trend, the main factors are taken as a basis, which should also solve problems and with the prevention of harmful effects on the environment, including also improving the energy saving rate.*

Keywords: *the principle of sustainability, adaptability, uniqueness, sports facilities*

Аннотация. *При постройке спортивных сооружений в современной тенденции за основу принимают основные факторы, которые также должны решать проблемы и с предупреждением от пагубного влияния на окружающую среду, в том числе также улучшить показатель энергосбережения.*

Ключевые слова: *принцип устойчивости, адаптивность, уникальность, спортивные сооружения*

Рецензент: Сагитов Рамиль Фаргатович, кандидат технических наук, доцент, заместитель директора по научной работе в ООО «Научно-исследовательский и проектный институт экологических проблем», г. Оренбург

Введение.

Проблема, касающиеся урбанизации становится все более актуальнее и охватывает все большее число пагубно-влияющих факторов. Однако данный вопрос легче решается в сфере транспортного развития, нежели при конструировании многофункциональных спортивных сооружений, поскольку они отличаются своей специфическими и уникальными способностями. В первую очередь они потребляют не малое количество электроэнергии. [4]

Современный инженерный принцип эксплуатации, который наблюдаем в различных на текущий момент спортивных сооружениях направлен на максимальное энергосбережение. Главной особенностью спортивных сооружений заключается в безопасности и комфортности, а также соблюдение экологических стандартов в

процессе сооружения зданий, применив экологические материалы и технологии. В качестве примера, возможно применить олимпийский стадион в Лондоне и олимпийский стадион в Баку, при строительстве которых была применена технология «устойчивости». Так или иначе, с использованием данной технологической тенденции возникает способность к статусу «экологически чистый».

За основу принципа «устойчивости» применяются следующие методики:

1) В данной методике заложено приспособление для энергосбережения:

- a. монтаж солнечных панелей, в качестве эффективного способа снижения потребляемой электроэнергии.
- b. применение дождевой воды с целью смыва и в иных технологических задачах.
- c. Утилизационные мероприятия мусора также способствует очищению окружающей среды.

2) существующий принцип адаптивности способствует выживанию в «плавающих» рыночных ценах и в условиях быстроизменяющихся потребностей людей. Таким образом, главной чертой современных спортивных сооружений является гибкость и адаптивность.

Основными аспектами в установлении комфортной среды для пребывания жизнедеятельности человека служат трансформируемость, интерактивность и мобильность. Принцип адаптивности также способен придать сооружению высокие изобразительные черты искусства, что тоже влияет на ответ в потребностях удовлетворения человека. В добавок данная строительная тенденция способствует возникновению и организации новых научно-технических идей и разработок. [2]

Современные стадионы имеют уникальную и сложную конструкцию и должным образом отвечают требованиям трансформации, что дает возможность в регулярной рентабельности спортивного сооружения.

1) Специфическими особенностями при возведении спортивной постройки являются территориальные, культурные и климатические условия среды, вследствие чего люди сумели превзойти собственного «гения ума». К примеру, Национальный стадион в Варшаве, Белый стадион в Корее или Жемчужина пустыни в Катаре. [6, 3, 5].

Стадион, разработанный японским известным архитектором Тойо Ито, в котором доступно около 55 000 мест обеспечивается электроэнергией полностью за счет работы

солнечных панелей. Спортивное сооружение имеет форму дракона, крыжа напоминает змеиную кожу (рис. 1) [1]. Установка солнечных панелей пришлась на 14 155 кв. м., общее их количество составило 8 844, производительность – 1,14 млн. кВт в год. Когда стадион не проводит никаких соревновательных мероприятий, производство его электроэнергии обеспечивает близлежащий жилой район примерно 80%.

Национальный стадион стал культурным достижением, со своей уникальной архитектурой в стране и имеет спиральную форму (рис. 2). Стадион построенный в столице Польши используется не только для проведения различных спортивных состязаний, но и предоставляет площадь для выступления артистов. Число доступных мест составляет 58 000.

Рисунок 1. «Главный стадион». Гаосюн, Тайвань Всемирных игр 2009

Рисунок 2. Покрытие главного стадиона. Тайвань

Крыша национального стадиона закругленная, метод «спицевое колесо», а его основная конструкция была построена из 72 опорных элементов, представленные радиальными канатами, которые полностью закрывают трибуны. Внутренняя выдвижная крыша установлена над центральной частью поля. Также крыша имеет

акустическую способность, что позволяет усилить звук во время проведения различных музыкальных концертов.

Проект футбольного стадиона в Минске 2020 – уникальное решение белорусского стадиона для Евро-2020. Вместимость стадиона составит 35 000 зрителей. Проектом предполагается многофункциональная направленность объекта. Вокруг стадиона предполагается строительство колонн, опоясывающих здание по периметру и генерирующих энергию солнца, ветра и воды. Этот объект также является энергосберегающим с использованием альтернативных источников энергии. Колонны, расположенные по периметру футбольной арены по виду напоминают седельные клапаны выхлопных труб тракторов, производимых в Минске. Сверху планируется высадить зеленые растения, гармонирующие с парковой зоной. Экоколонны будут питать энергией не только стадион, но и прилегающую к нему территорию (рис. 3, 4) [7].

Рисунок 3. Футбольный стадион в Минске 2020

Рисунок 4. Зеленые колонны футбольного стадиона в Минске

Заключение

На основе данных примеров, следует указать, что принципы устойчивости, уникальности и адаптивности спортивных сооружения на сегодняшний день полагаются на следующие аспекты:

- 1) Применение экологически-чистых материалов при постройке, с целью предупреждения ущерба окружающей среды.
- 2) Применение электроэнергии, производимой из возобновляемых ресурсов.
- 3) Регулярное развитие в области науки для поднятия экономической эффективности, вследствие чего возникает необходимость в дальнейшем продвижении.

References

1. Dr. N. Subramanian. Design Trends of Sport Stadiums //www.academia.edu//.
2. Жестяников Л. В., Мяконьков В. Б., Асылгараева Э. Н. Проектирование спортивных сооружений: экологические инновации //http://bmsi.ru//.
3. White Stadium //http://www.ssdarchitecture.com//.
4. Есаулов Г.В. устойчивая архитектура- от принципов к стратегии развития // Вестник ТГАСУ 2014. № 6. С 10.
5. Lidija Grozdanic. Arup and RFA Fenwick Iribarren Architects unveil plans for the new Qatar Foundation Stadium // http://inhabitat.com//.
6. Блог В. С. 10 самых новых футбольных стадионов мира // http://www.sports.ru//.
7. Представлен проект нового футбольного стадиона в Минске //http://www.mogilev.by//.

Electronic scientific editions

International journal of Professional Science

international scientific journal
№11/2020

Please address for questions and comments for publication as well as suggestions
for cooperation to e-mail address mail@scipro.ru

Format 60x84/16. Conventional printed
sheets 3,8
Circulation 100 copies
Scientific public organization
“Professional science”